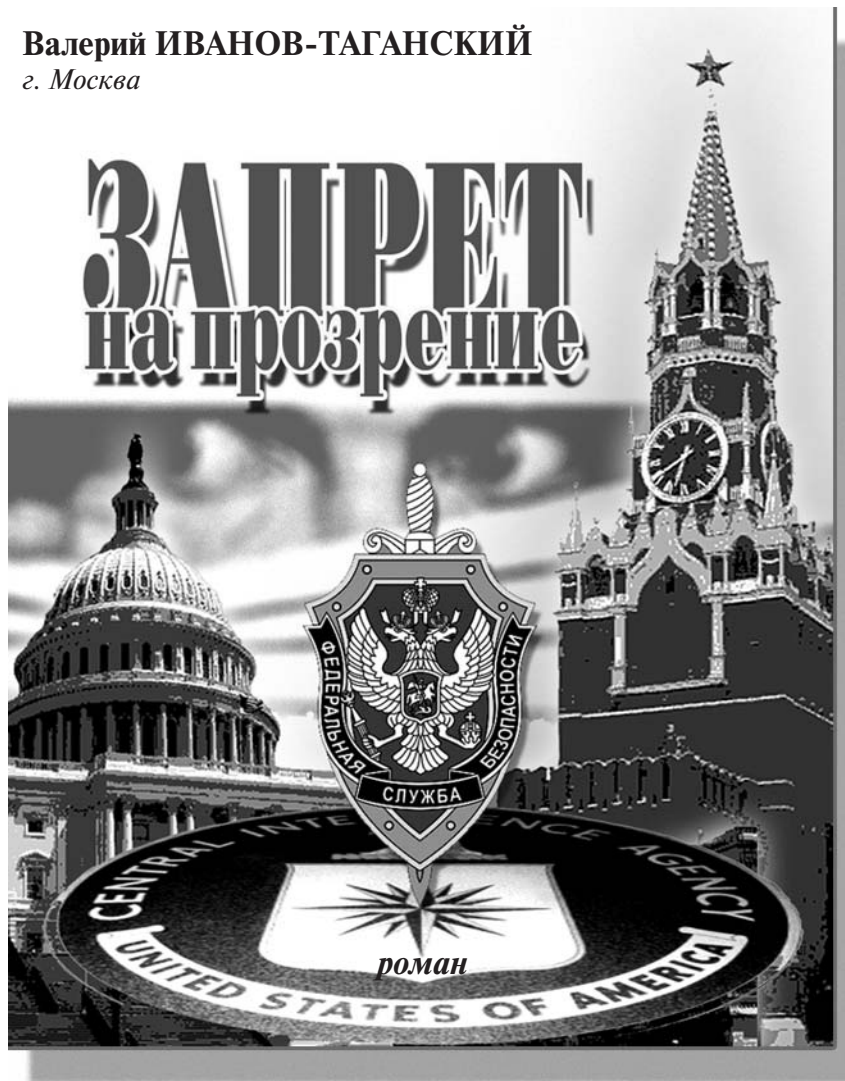

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

г. Москва

* * *

Казалось, совсем недолго находился Кирилл у себя в доме, но, выйдя на улицу, заметил, что стало темнеть. У трех машин, стоявших около дома, уже были включены фары. Корольков подскочил к Кириллу и, поздоровавшись, вопросительно уставился на начальника.

— Проверьте связь и садитесь ко мне. Едем в сторону улицы Лазо. Остановимся в начале, у книжного магазина. Нет, лучше чуть дальше — у общежития. По дороге все обсудим.

Корольков вернулся к своим ребятам и, от-

дав распоряжение, сел в машину Кирилла. Другие две машины последовали за ними.

Голубым ожерельем раскинулся Благовещенск вдоль Амура. Благодаря недавно проведенной акции «Чистый город» он был особенно зеленым и привлекательным. Говорят, из космоса город похож на шахматную доску, так последовательно местные архитекторы квадрат за квадратом лепили облик Благовещенска. Тем временем машины с ОМОном на огромной скорости мчались в сторону квартала, где находилась улица Лазо.

По карте на Лазо № 13 расположился ресторан «Шанхай». Сооруженный из красного кирпича, он походил на неприступную крепость, где вместо окон темнели узкие бойницы. Только витрину ресторана — сияющую и переливающуюся — было видно издали, а у входа в ресторан возвышались узкие витражи с какими-то причудливыми деревьями.

Проехав ресторан, машины остановились, как и было условлено, в начале улицы Лазо. Еще в пути по связи договорились к ресторану ближе не подъезжать и остановиться порознь. Двум сотрудникам было поручено пойти на разведку. Одному в ресторан, другому — проверить обстановку вокруг ресторана. Вскоре от лейтенанта Глана пришло сообщение, что в ресторане нет ничего подозрительного. Второй посыльный долго молчал. Наконец и от него поступило сообщение:

— Нахожусь рядом с домом, примыкающим к

* Продолжение. Начало в № 3-4 за 2010 г.

«Шанхаю». Попасть внутрь пока невозможно. Высокий глухой забор и две собаки. Одна старая «кавказка». Собака, кажется, глухая, потому что на меня никак не реагирует. Другая — молодая овчарка, крупный щенок. С этой стороны к дому лучше не подходить — забрешет.

— Что еще, кроме собак? — перебил доклад Корольков.

— Через щель видно, что в доме есть люди. Но китайцы это или нет, непонятно. Вижу в основном тени. Кажется, китайцы. Дом кирпичный, окна низкие. Рядом две постройки, типа сараев.

— Сколько людей в доме? — тут же спросил Кирилл.

— Трудно сказать. Мелькают 4-5 человек. Стоп! Вот только что в соседнюю пристройку прошел высокий, крепкий китаец, одет по-домашнему, в трико. Похож на атлета.

— А на уйгура он не похож? — быстро отреагировал Кирилл.

— Не знаю, темно, и все они для меня на одно лицо.

— Хорошо, докладывайте, — слышался голос Королькова.

— В другой пристройке периодически стучат, — продолжил лейтенант. — Кажется, молотками или легкими топорами. Возможно, что там тоже два человека.

Докладывая, лейтенант все больше увлекался, говорил азартно, но в голосе звучала тревога.

— Охраны нет? — подал голос Корольков.

— Отсюда не вижу.

— Что намерены предпринять дальше? — спросил Кирилл.

— Стемнело, можно проникнуть внутрь. Участок идет под уклон. В конце забора натянута рабица. Постараюсь пробраться с той стороны.

— Тогда нельзя ли проверить, что происходит в подсобных помещениях? — поинтересовался Кирилл.

— Сейчас я этим займусь, — прозвучало по связи.

Минуты через три лейтенант Окунь уже находился на территории двора.

Со стороны дома лаяла собака. Лаяла вообще, а не агрессивно. Окунь чуть ли не попластунски пролез к двум рядом стоящим бочкам и спрятался за ними.

На лай молодого кобелька из дома выглянул

небольшого роста китаец и, словно гончий пес, понюхав воздух, опять исчез в доме.

— Ну что, Окунек? — нетерпеливо спросил Корольков. — Есть там что-то? Бабы не видишь?

— Спокойно, сейчас подойду поближе.

Лейтенант перескочил через узкую бетонированную дорожку к туалету и прижался к стене строения, куда скрылся китаец. Со стороны светящегося окна подходить было опасно, потому что оно выходило на сторону входа в главный дом.

Вдруг окно в пристройке погасло. Лейтенант рванулся вперед и подполз ближе к окну, сев под подоконником. Со стороны дома слышались голоса. Один надрывный, срывающийся — женский, другой — категоричный, мужской. Потом шум борьбы, и, наконец, все затихло. Вскоре вспыхнул свет, и лейтенант одним рывком вернулся за бочки. На этот раз собака, видимо, заметила его и стала лаять и рваться в его сторону, натянув до упора цепь. Через минуту из строения вышел знакомый китаец и, услышав собачий лай, стал обходить двор. Было уже темно. Он не дошел метра до распластавшегося лейтенанта. Китаец пружинисто подошел к входным воротам и, легко подтянувшись за верхний край забора, выглянул наружу. То ли что-то вспугнуло китайца, но он вдруг быстро пошел ко второму строению. Зашел внутрь, где к этому времени стук прекратился. Окунек, не обращая внимания на лай, с пистолетом в руке побежал вслед за китайцем. На окнах этого строения не было штор. Заглянув на секунду в окно, лейтенант увидел внутренность мастерской, где посередине на верстаке стоял сколоченный гроб.

— Вот оно что! — мелькнуло в голове лейтенанта. — Значит, Корольков не сочинял. Тут и вправду дело идет о подзахоронении.

Лейтенант повернулся в сторону другого строения, думая о женщине, которая там находится. — Жива ли она? — он еще раз взглянул в окно мастерской. Рядом с гробом о чем-то весело разговаривали трое китайцев. Уже знакомый китаец с настроением что-то рассказывал своим сородичам. Двое других подобострастно кивали и то и дело взрывались восторженным смехом.

Лейтенант незаметно зашел за дом и вдоль забора пробрался в глубь двора. Тут же по связи он сообщил, что в доме действительно есть женщи-

на, а в мастерской кому-то смастерили гроб. Для Кирилла этого было достаточно. Корольков дал команду приступить к задержанию всех находящихся на объекте, и омовцы через все щели и забор полезли во двор, окружив дом. Собаки, почувствовав чужих, стали лаять громче, в два голоса.

Тем временем лейтенант проскочил к строению, где находилась женщина. Инерция разгона была такой, что он чуть не наткнулся все на того же китайца, который прямо перед его носом вошел в дом, где находилась женщина. Уже в следующее мгновение китаец выволоч наружу молча упирающуюся, с заклеенным ртом, худенькую, похожую на подростка девушку и грубо потащил ее в сторону дома со злобещей мастерской.

Боясь, что в темноте китаец улизнет, Окунь не стал торопить события и, только почувствовав за спиной подкрепление, дал знак, и сразу же трое омовцев оказались рядом. Оставив одного у окна, Окунь с двумя другими ворвался в мастерскую.

— Руки! — закричал хриплым голосом Окунь. Ворвавшиеся вслед за Окунем омовцы старались быстрее надеть на перепуганных китайцев наручники. Один из омовцев оторвал девушку от ощерившегося от злобы китайца, в руках у которого был шприц с какой-то жидкостью, и закрыл ее спиной. В это время другая часть омовцев вместе с Кириллом и Корольковым штурмовала большой дом. Китайская охрана, находящаяся на тесной веранде, не успела закрыть дверь во внутрь помещения, и омовцы, на всем ходу вышибая дверь, проникли в помещение. По-видимому, здесь шло какое-то праздничное застолье, которое и сыграло злую шутку с китайской предусмотрительностью. Среди горящих свечей, благовоний и всевозможных угощений вдруг раздался крик Королькова:

— Все на пол! — И, не церемонясь, он стал валить насмерть перепуганных китайцев на циновки, а другие омовцы тут же надевали на них наручники.

— Вот гады! — вслух выразился долговязый омовец по фамилии Шкраб. — Привыкли у нас мандаринами себя чувствовать. А стоило припугнуть, так завоняли, как будто сортир у них тут.

Вскоре задержанных уже сажали в машины. Кирилл и не предполагал, что все так быстро и успешно закончится. Еще по дороге в ближайшее КПЗ он позвонил прокурору Малову и сообщил, что задержание прошло успешно. Глядя на породистого, крепкого китайца, сидевшего к ним спиной в углу, он высказал предположение, что возможно задержан и знаменитый уйгур по кличке Тигр.

— Поздравляю, — обрадовался Малов, — ты не представляешь, какая удача с этим уйгурцем. Столько лет этот тип кочевал из одной банды в другую, дурачил наши органы, и наконец-то его поймали. Просто не верится! А все говорят — мы плохо работаем. Где там плохо — оказывается, превосходно! Поблагодари от меня Королькова и всех ребят. Скажи, молодцы, так держать и на будущее. А ты, Кирюша, отдыхай. Завтра увидимся и оформим всю документацию на этих мерзавцев.

Передав задержанных в ближайшее КПЗ, Кирилл отправил освобожденную китайку в общежитие университета. Затем набрал номер Яна Донгяна и поблагодарил его за помощь, сообщив при этом, что его личный враг задержан и находится за решеткой.

— Не мозет быть? — воскликнул китаец, не поверив своим ушам. Тогда Кирилл обрисовал задержанного китайца, но Ян и после этого не поверил. И только когда он сказал о татуировке тигра на запястье левой руки, Ян согласился, что это уйгур.

— Можешь идти домой, Ян. Теперь ему всыпят «по самое не балуй».

Китаец расхохотался и впервые за последние полтора года пошел к себе домой пешком.

Только вернувшись домой, Кирилл почувствовал усталость. На банкете он практически не ел. Но, открыв холодильник, аппетит не появился. Тогда он прошел в комнату и, не раздеваясь, прилег на диван. Нашупав в привычном месте дистанционное управление, включил телевизор. По каналу «Дискавери» показывали охоту тигров на африканских турах. Кирилл невольно стал следить, как крупный тигр одной лапой сбивает бегущего тура и тут же вонзается в горло перепуганного животного. Кириллу стало не по себе, и он решил переключить на другую программу, но услы-

шал телефонный звонок. Характерно брэнчал городской телефон.

Звонил расстроенный Корольков. В первый момент Кирилл не поверил своим ушам. Оказывается, двадцать минут назад из-под конвоя бежал уйгур.

— Как это случилось? — воскликнул ошарашенный Кирилл.

— Произошло следующее, — гневно докладывал Корольков. — С появлением китайцев в переполненном до отказа КПЗ возникла потасовка. Причем китайцы действовали жестоко, но практически не оставляя следов. Одного бугая еле с того света вернули. Доложили наверх. Тогда главой районного отделения милиции было принято решение арестованных китайцев перебросить в отдельную камеру в городской тюрьме. Решение, как вы понимаете, Кирилл Вадимович, правильное. Но тут произошло нечто неслыханное — бунт!

Корольков несколько раз выругался, перескакивая с одного на другое, стал путано рассказывать, и, только когда успокоился, до Кирилла, наконец, дошло все произошедшее.

Оказывается, во время посадки в машину арестованные подняли бунт, началась суматоха, и в этот момент, воспользовавшись общим замешательством, на огромной скорости подлетел мотоцикл, на котором в одно мгновение оказался уйгур. Районная милиция тут же встала на уши. Непонятно было, кто сообщил о переселении китайцев, и уж тем более неясно, откуда появился здесь мотоцикл и как он мог вклиниться между машиной и распахнутой дверью милиции. Возникали вопросы, почему проморгала охрана? А главное, никто не знал, где теперь искать этого уйгура по кличке Тигр.

— Мы объявили план «Перехват», но пока все безуспешно. Как сквозь землю провалился этот китаец, — закончил Корольков.

Несколько мгновений Кирилл не мог понять, что его больше всего обеспокоило. Конечно, возмутительно, что столь важная операция, при исполнении которой еще вначале погиб его близкий друг и которая, в конце концов, принесла хоть какой-то результат, вдруг так бездарно завершилась. В сумятице нахлынувших эмоций он никак не мог понять, что его особенно тревожит. И вдруг до него

дошло. Надо немедленно предупредить Яна Донгьяна.

— Слушай, Корольков, ты на машине? — быстро спросил Кирилл.

— Конечно, я с Сашкой, — подтвердил Корольков.

— Тогда немедленно выезжай на улицу Калинина, 23. Там в серо-зеленой одноэтажной пристройке живет китаец, который помог нам поймать этого уйгура. Корольков, срочно гони, как бы чего не вышло! Надо прикрыть нашего Яна. Я ему позвоню и предупрежу.

— Слушаюсь, Кирилл Вадимович, выезжаю на Калинина, 23.

Кирилл бросился к мобильному и, найдя нужный номер, позвонил. Номер не отвечал. Кирилл перезвонил — опять молчание. Решение пришло внезапно. Схватив плащ и оставленный в шкафу пистолет, он выбежал на дорогу. Остановив первую попавшуюся машину, Кирилл приказал ехать по указанному адресу. Напор был столь велик, что частник-подрабатывальщик, сухонький старичок лет семидесяти, ни слова не говоря, бросился выполнять приказание. Машина Королькова и «жигуленок» Кирилла подъехали почти одновременно. Выскочив из машины и жестами договорившись подойти к месту с разных сторон, Кирилл и Корольков стали приближаться к дому. В темноте, при слабом освещении лампочки на столбе у соседнего дома, такое мероприятие было нелегким. Наконец в воротах нашли калитку, которая оказалась незапертой. Дом был разделен на две половины. В одной жили хозяева, а другую — дальнюю, примыкавшую к саду, снимал уже несколько лет аспирант университета Конфуция Ян Донгян. От двери в эту часть дома мелькнула какая-то тень. Она была настолько незначительной, что Кириллу и Королькову показалось, что это домашняя кошка бросилась в сторону, услышав шаги. Но сразу же за забором затрещал мотоцикл, и все стало ясно.

— Корольков, за ним. Это сбежавший китаец.

Корольков сломя голову бросился на выход, и через минуту Кирилл услышал шум заведенной машины, которая стала сразу набирать скорость, и вскоре слышно было только отдаленное гудение. Темнота и тяжелое оцепенение сковали Кирилла. Наконец он собрался и медленно, с пис-

толетом в вытянутой руке, двинулся к входной двери. Все было, как он и ожидал. Дверь — незаперта. Кирилл долго нащупывал выключатель и включил свет. Через приоткрытую дверь другой комнаты он увидел огромную лужу. Это была кровь, много крови. Он с силой толкнул дверь и увидел человека, подвешенного к потолку головой вниз. Одежда во многих местах была порвана. Видно было, что погибшему вскрыли вены, чтобы смерть была мучительной. Притронувшись к плечу повешенного, Кирилл понял, что смерть уже наступила. Тело покрылось рябью и выстывало. Он поискал глазами выключатель и включил свет. Лицо Яна было изуродовано. Присмотревшись, он понял, что китайцу отрезали язык. Обратив внимание на нож, глубоко сидевший в шее, он подошел ближе и увидел под лезвием отрезанный язык, пригвожденный к фотографии в газете. Он сразу узнал эту газету и свой портрет в ней. Фотография была сделана для информации о назначении Кирилла Вадимовича Маркова заместителем прокурора города Благовещенска. Теперь Кирилл знал, что это было не простое убийство, а ритуальная месть, месть до последнего виновного, участвовавшего в нанесении ущерба клану мафии. Кирилл достал телефон и стал звонить: сначала в «скорую», потом в милицию и только потом домой прокурору Малову. Пока неторопливо собирались вызванные представители ведомств, Кирилл продолжал сидеть в углу комнаты, где, по всей видимости, был кабинет Яна Донгьяна. На стене висела карта, на которой красным карандашом аспирантом Яном Донгьяном были отмечены новые границы с нашим восточным соседом. Кирилл помнил, как прореагировало население, когда «однажды, засыпая, знали, что большой Уссурийский остров, раскинувшийся прямо напротив Хабаровска, где находятся укрепленный район, дачи хабаровчан, сельхозугодья — наш. А проснувшись, с удивлением узнали, что половина острова теперь китайская. Больше того, Тарабаров остров отдан целиком. Для горожан, как и для руководства края, да и руководства силовых ведомств региона, это было сродни удару обухом по голове». Кирилл тогда ждал, что их хотя бы с запозданием спросят: «Вы-то как, согласны?» Нет, не дождался! Так их мнение никто и не спросил. С ними и позже не посоветовались. По-

явилась лишь угодническая статья в адрес нашего наливающегося мышцами соседа с таким определением: «уступка» нашего президента продемонстрировала добрую волю России и добрую волю Китая, которые согласились со сложившимися обстоятельствами, и не претендует на ту часть острова Большой Уссурийский, который остался в России». Одна смелая газета все-таки отреагировала замечательной статьей «Не дозволено!», где рассказала, что жители Дальневосточного региона прореагировали на это великодушное федеральное центра однозначно. Они понимают дело так: «Китай Москве нужен, а вот Дальний Восток — нет». Никто в столице не обратил внимания на акции протеста, прошедшие в Хабаровске. А Госдума, побурлив немного, все же ратифицировала «Дополнительное соглашение между РФ и Китаем о российско-китайской границе, подарив российские земли восточному соседу». Смелая газета в статье подвела неутешительный итог нашей политике: «Факт остается фактом — Россия приняла китайские требования провести границу по северному рукаву Амура, отдав острова и превратив городскую набережную Хабаровска в приграничную территорию». И это, как считают многие дальневосточники, было первым шагом подготовки россиян к передаче Курил Японии. Сейчас, глядя на новые границы с Китаем, отмеченные честолюбивым китайцем, Кирилл видел и следствия такой политики. Если нелегальная заготовка древесины стала обычной практикой для мелких предприятий и если российское законодательство позволяет мириться с этим фактом, то противопоставить коррупции, которая возглавляет незаконные процессы, нечего. Те же самые процессы можно наблюдать в торговле наркотиками и поддельными лекарствами. Уступки и замалчивание китайского засилья в преступных структурах довели до того, что китайская мафия стала самой опасной в России. Сегодня, по мнению сотрудников милиции, можно с уверенностью говорить, что в Москве действует самая изощренная китайская мафия. Она стала аналогом японской «Якудза» или итальянской «Коза ностра». Кириллу было известно, что у них в Москве сравнительно недавно появились два источника доходов, это ввоз нелегальных мигрантов и их переправка в Европу, а также рэкет в отношении

своих соотечественников. Сталкиваясь с китайским преступным миром, Кирилл видел на практике, как китайцы переносили на российскую почву сложившуюся веками систему традиций и иерархическое подчинение. И ходить за примером было не нужно: стоило Яну Донгьяну восстать против торговли «невестами» и начать помогать следственным органам Благовещенска, как тут же он был зачислен в доносчики и приговорен к ритуальному убийству с вырезанием языка. Единственное, на что Кирилл не отреагировал, это на свой портрет, пригвожденный к стене. Когда в качестве вещественных доказательств ритуального убийства снимали отрезанный язык и газету с портретом Кирилла, один из сотрудников решил поддержать его. Мол, не дожидетесь, чтобы такой сотрудник, как Марков, был на очереди и что, мол, не дадим в обиду таких людей. Кирилл, ни секунды не думая, ответил: «Спокойно, только похороните рядом с Сокольниковым». Он дождался, когда все формальные процедуры были выполнены, и только потом согласился, чтобы его подбросили домой на свободном милицейском «газике».

Дома он, не раздеваясь, сел прямо в прихожей. Так, в оцепенении, он просидел минут двадцать. И только потом, сняв плащ, поплелся на кухню.

Наскоро заварив чай, он прошел в ванную и долго стоял под душем. Потом, достав варенье, сделанное еще женой, без движения сидел перед открытой банкой на кухне. Это варенье в удачные дни он изредка ел по маленькой розетке, как бы растягивая, таким образом, общение с Агиной. Здесь же, в кухне, на резной доске были развешаны фотографии Агины и дочки Настеньки. Отдельно висели портрет и мамы, и отца с Валентиной. Кирилл не заметил, как прямо за столом заснул. Это было не впервой. Вначале он склонял голову набок, прижимая ее к плечу, потом, прижавшись спиной на коврик, прикрывающий холодную стену зимой, незаметно засыпал. Сон обрушился внезапно. Он видел себя бегущим к поезду, чтобы остановить жену, которая тянула руки к дочери, оказавшейся на железнодорожном полотне. Электричка делала поворот, вагон набегал на вагон, и угол отхода от железнодорожного полотна увеличивался. Но вот тот самый, последний вагон, дальше всех забежавший от рельсов, налетел на

девочку, а следом, хлестнув мать по рукам, отчаянно тянувшимся спасти дочь, закрутил под колеса обеих. Сквозь сон Кирилл услышал знакомый дребезжащий звонок городского телефона. Он с трудом поднялся, подошел к трубке:

— Говорите, кто вам нужен? — спросил он.

В ответ послышалось: — Это Москва, мне нужен заместитель прокурора Благовещенска Кирилл Владимович Марков.

— Да, это я, слушаю.

— Здравствуйте, Кирилл Владимович. Извините за поздний звонок. Это говорит Николаев Владимир Александрович, помощник генерального прокурора. Кирилл Владимирович, есть необходимость вашего срочного приезда в Москву. С прокурором Маловым только что разговаривал генеральный прокурор и согласовал ваш приезд послезавтра утром. Мы вас ждем, не опаздывайте.

— А что, собственно, случилось, Николай Владимирович? — с недоумением спросил Кирилл.

— Вам будет поручено очень ответственное дело. Всё остальное узнаете по прибытии в Москву. Извините, что говорю коротко, но дело действительно очень важное и не для телефонного обсуждения.

— Понял. С Маловым согласовано?

— Да, Андрей Петрович только что говорил с вашим шефом и, поскольку торопился на заседание правительства, поручил мне переговорить с вами.

— Понял. Спасибо за звонок. За доверие. Передайте Андрею Петровичу, что буду в указанные сроки.

— Очень хорошо. Наши люди вас встретят в аэропорту. Ждем! — прозвучало как приказ на другом конце провода.

Кирилл положил трубку, и сразу раздался звонок прокурора Малова. Дальше уже пошли уточнения сроков отъезда. Поздно вечером Кирилл позвонил в Москву Маркову.

— Привет, папа. Как вы там?

— Все хорошо, сынок. Работаем по мере сил. Все здоровы. Агиска мечтает о встрече с тобой. Как у тебя?

— Мечты на то и существуют, папа, чтобы иногда сбываться. Послезавтра вылетаю в Москву, — с радостной интонацией сообщил Кирилл.

— Да ну, вот это здорово! — как заправский артист разыграл удивление Марков. Зная характер сына, Марков просил Радова и Смирнова ни при каких обстоятельствах не говорить сыну, что это его инициатива. Те, разумеется, согласились. Теперь надо было и ему вести себя в духе общей договоренности.

— Давай я тебе встречу, — предложил Марков.

— Нет-нет, папа, не волнуйся, меня встретят. Я ведь по делу лечу. Как только освобожусь, я тебе позвоню, и тогда встретимся.

— Ты надолго?

— Не знаю, папа. Пока ничего сказать не могу.

— Хорошо, сынок. Но когда прилетишь, дай знать, чтобы мы не волновались.

— Хорошо, папа. Я тебе сразу позвоню. До встречи.

— До встречи, сынок.

* * *

Подлетая к Москве, Кирилл знал, что его встречают сотрудники прокуратуры. Но для него было полной неожиданностью, что его встретят прямо у трапа. В машине он позвонил отцу и сообщил, что уже в Москве и позвонит, когда освободится. Вскоре он уже был в кабинете одного из заместителей генерального прокурора, где прошло короткое представление, затем его познакомили с руководителем главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Во время этой встречи в общих чертах пошел разговор о деле исчезнувшего политолога Самарина.

Невысокий, плечистый, с копной седых волос и косивший на левый глаз руководитель Следственного комитета Денис Иванович Довгопол баском стал вводить Кирилла в курс дела. Рядом сидел начальник отдела — Сергей Глухов — сухопарый очкарик, который, по всей видимости, был больше осведомлен в деле об исчезновении политолога и поэтому изредка подсказывал Довгополу существенные подробности.

Заместитель прокурора Благовещенска появился в Следственном комитете «по звонку» свыше, поэтому не вызывал у обоих собеседников симпатий. Но не зная, какие силы поддерживают новоявленного следователя по

особым делам, оба начальника решили пока держаться лояльно.

— Вам, Кирилл Вадимович, придется включиться в расследование этого дела прямо, как говорится, с корабля на бал. Что тут можно сказать: Самарин — фигура неоднозначная. В девятые годы, получив грант, был в Америке. Потом поссорился со многими из тех, кто его поддерживал. Некоторые его до сих пор считают американским воспитанником. Нет-нет, мы ничего не имеем против. Но эту линию тоже надо хорошенько проверить. Глухов уже начал работать по этому делу, поэтому все начальные работы вы получите от него.

— Когда исчез политолог Самарин? — спросил Кирилл.

Довгопол вопросительно посмотрел на Глухова, и тот торопливо, глуховатым, самоуверенным голосом стал выкладывать свою версию случившегося:

— Самарин исчез три дня назад, в субботу, поздно вечером. По нашим сведениям, он встречался со своей любовницей, которая одновременно была и редактором его последней книги. Вообще, семья политолога Самарина мало интересовала. В семье сложились свободные нравы: каждый сам по себе. Приемный сын, к примеру, занимается мелкой торговлей, часто задерживался милицией. Последний раз попался на торговле мобильными телефонами. Молодая жена Самарина несколько лет жила в Америке, участвовала в сомнительном бизнесе. Сейчас уточняется, не осталась ли она должна большую сумму своим бывшим американским партнерам. Вполне возможно, что это могло навлечь гнев на все семейство. Есть и другая версия: надо проверить, не хотела ли жена избавиться от богатого — две квартиры, дача, счет в банке, но старого мужа. Эта версия пока вообще не проверялась. Нам пытаются навязать...

— Нам ничего пока не навязывают, Анатолий Александрович, — резко перебил Глухова Довгопол. — Просто некоторые считают, что за исчезновением Самарина стоит большая политика. Предполагают, что он что-то мог предвидеть и знать больше нашего руководства. Другие уверены, что он своего рода политическая баба Ванга. И что его исчезновение связано с этим его даром. Это надо тщательно проверить. Ясновиде-

ние — это, конечно, специфическая сфера, требующая специальных знаний, но вам будут помогать наши специалисты.

— Я с этой сферой немного знаком. За последние годы в Сибири и на Дальнем Востоке много развелось прорицателей и предсказателей. Есть среди них, конечно, шарлатаны, и поэтому мы ими занимались. Некоторых посадили, другие сами уехали из наших краев. Но встречались и такие, кто обладает замечательным даром предвидения. И даже в области политики. Кстати, многие из них хорошо образованны. Спроси у них о таких предсказателях, как Нострадамус, Тарабич или о той же бабе Ванге, они вас в считанные часы просветят и даже завербуют.

Довгопол переглянулся с Глуховым, и оба впервые одобрительно посмотрели на Кирилла.

— Есть у семейки свои покровители, — продолжил Довгопол, — которые, возможно, будут мешать вам. Но это уже другое дело. Здесь мы вам будем помогать. Работайте в тесном контакте с вашим начальником отдела, — Довгопол кивнул в сторону Глухова, — и докладывайте мне оба, когда появятся существенные сдвиги. Вот, пожалуй, и все. Поздравляю вас, Кирилл Вадимович, с началом работы в нашем прославленном коллективе и надеюсь, что вы нас не подведете.

Довгопол пожал Кириллу руку и попрощался с Глуховым. Но когда Кирилл в сопровождении Глухова дошел до дверей, прагматичное чувство осторожности к назначенцам сверху всколыхнулось в Довгополе, и он окликнул Кирилла.

— Пойдите, Кирилл Вадимович, у нас на четвертом этаже рядом с Глуховым, кажется, свободная комната. Анатолий Александрович, распорядитесь, чтобы Кириллу Вадимовичу там организовали кабинет. Поручите это Игорю Крамаренко.

Глухов молча кивнул и собирался уже выйти из кабинета, но Довгопол опять их остановил.

— Подождите, — Довгопол даже вышел из-за стола и подошел ближе, — стойте, еще один вопрос: что у вас с жильем в Москве, Кирилл Вадимович? Где остановились? Как хотите решать этот вопрос? — Голос Довгопола перешел на лирический баритон, глаза заблестели.

Кирилл не ожидал такой заботливости московского руководства. Но поскольку планов работать в Москве у него не было и он воспринимал

данный вызов в столицу как временную работу по особому заданию, что нередко бывает в прокурорской практике, то, поблагодарив Довгопола, прямо ответил, что этот вопрос пока неактуален. Но чтобы не сложилось впечатление, что он неблагодарный провинциальный нахал, ответил как чувствовал:

— Я хочу, как в пословице, вначале пригодиться, а уж потом хлопотать о лучшей жизни.

Такое заявление еще больше удовлетворило Довгопола. Когда закрылась дверь, он с удовольствием подытожил, что его как руководителя не в чем упрекнуть, прием молодому специалисту был оказан на самом высоком уровне.

* * *

Марков договорился с Кириллом, что после представления в прокуратуре тот подъедет к стадиону «Динамо». Он объяснил сыну, что в секции по боксу у него срочная встреча с тренером Лавриновичем, после чего они вместе пообедают и поедут домой.

Старые друзья — Марков и Лавринович — ждали Victорию Самарину с сыном в помещении клуба «Динамо». Фомич знал Маркова в пору рассвета его боксерской славы. И когда Маркову удалось убедить Victорию Сергеевну, что лучше показать мальчика профессионалу и получить отказ, чем неаргументированно запрещать сыну заниматься боксом, возник вопрос о встрече с Лавриновичем. В свою очередь Victория Сергеевна, находившаяся под впечатлением от драки сына в Выхино и его ареста, неожиданно вняла советам Маркова и согласилась на встречу. Лавринович ценил Маркова не только как боксера. Уйдя с ринга, Марков поддерживал отношения со знаменитым тренером, не часто, но по праздникам обязательно звонил из Риги. Одно время хотел даже поехать в Москву на тренерскую стажировку к Фомичу, но журналистика, в конце концов, победила, и бокс остался в памяти особой незабываемой страницей. Позже Марков написал большую статью о тренере Лавриновиче, в которой была сформулирована методология боксерской школы Лавриновича. Теперь же, с появлением в его жизни Игоря Козловского, что-то всколыхнулось в Маркове. Уж

больно хотелось ему, чтобы Игорек понравился Лавриновичу. Все-таки сын знаменитого боксера Козловского! В боксерской среде знали: Козловский один из первых добился выдающихся результатов на профессиональном ринге, был в одном шаге от звания чемпиона мира и погиб накануне боя при загадочных обстоятельствах. В глубине души Маркову хотелось восстановить справедливость: заставить вспомнить и оценить великого в прошлом боксера, воспитав достойную смену. Девиз: «Не я, так сын» был знаком Маркову. «За примером ходить не надо, — размышлял Марков, — на Западе гордятся боксерскими династиями, а у нас почему-то к этому относятся подозрительно, как к явной форме протекционизма.

Чтобы совсем не оплошать, он, подарив мальчику боксерские перчатки, недолго потренировался с ним и понял — у парня прекрасные данные. По всей видимости, увлечение боксом у Игоря не было только на словах. Очевидно, он где-то тайно тренировался и был вполне подготовленным боксером. Однако некоторые сверстники Игоря уже становились чемпионами страны и первенств мира среди юношей, а Игорь боксировал в пределах начального боксерского разряда. Правда, у него был сильный удар, он был крепок, длиннорук и, главное, смел. А его нырки, уклоны и маневрирование настолько повторяли почерк Козловского, что по одним этим деталям сразу можно было узнать его великого отца. Между прочим, это копирование стиля отца было настолько искренним, что Марков даже прослезился. «Нет-нет, надо ему помочь», — решил он.

— А ты так папин стиль усвоил? — спросил на этой встрече Марков.

— А я с ним боксирую, — ответил мальчик.

— Как это? — удивился Марков.

— Очень просто. У меня шесть записей боев отца. Я включаю и начинаю с ним поединок на стороне его противника, но в его стиле.

— Ну и как?

— Пока проигрываю. Но один раз была ничья.

— Как это получилось? — поинтересовался Марков.

— Я заметил, что отец поздно обрабатывает корпус противника. Первые раунды он рассчитывает на удар. А надо вначале сбить дыхание,

опустить руки противнику и уж потом через серию выйти на удар.

— Через какую серию? — поинтересовался Марков. Игорь отошел от Маркова и четко показал серию с заключительным ударом. Марков попросил повторить. И опять Игорь точно показал эту же серию, но нанес заключительный удар уже другой рукой. Марков это заметил. Он медленно повторил показанную серию и спросил:

— Это папина серия?

— Нет, это серия Джо Луиса. Но папа бил с двух рук, а дед Джо канчивал правой. Это все знали. Поэтому папа для обмана готовил удар правой, а на самом деле следовал пушечный удар левой. Вот так! — и Игорь повторил серию. — Папа был самым умным боксером из всех профессионалов. Он был тактик и стратег одновременно. И потом, он не заносился. Никогда не говорил, что победит, — с гордостью заявил Игорь.

— А как он говорил? — поинтересовался Марков.

— Папа говорил: «надо постараться».

— Правильно.

Вот и сегодня Маркову хотелось, чтобы Игорь постарался и понравился Лавриновичу. Заметив из окна Викторю Сергеевну с сыном, Марков вышел из подъезда и повел гостей в зал, где шла тренировка. Лавринович сердечно поприветствовал маму, потом левой рукой сделал финт поверх головы Игоря и вдруг ласково сказал:

— Козлик, иди готовься к тренировке, я тебе все, что нужно, оставил в 21-м шкафчике раздевалки. Отныне это будет твоё. — Игорь от такого шуточного обращения просиял. Но тут же спросил:

— А перчатки пригодятся? — показал он на авоську.

— А как же без перчаток?

Когда Игорь ушел в гардероб, Виктория Сергеевна призналась:

— Я ему никогда не давала боксиловать в перчатках отца. В них он выиграл последний бой. А сегодня не удержалась и разрешила взять перчатки с собой. И во всем виноват Вадим Борисович. Вдохнул в него какую-то немислимую силу. Не знаю, как он будет боксиловать, — с волнением говорила она. — Да и возраст уже. Правда, отец тоже поздно начал. Боюсь, что для меня готовится та же участь — в начале за рингом драться

ся вместе с мужем, а сейчас с сыном. Ну что ж, такая уж у нас бабья доля. Просто не пойму, как он будет работать, если полночи не спал, — совсем как заправский болельщик заявила она. Вскоре прибежал Игорь в новой динамовской форме, в высоких боксерках на ногах, а на майке красовалась динамовская эмблема. Перчатки он не надел, а держал на плече, зато руки были аккуратно перебинтованы. Лавринович посмотрел на руки, сделал поощрительный кивок и, забрав у Игоря перчатки, заставил его побегать.

Во всех углах зала тренировались боксеры, в основном сверстники Игоря. На ринге под руководством помощников Лавриновича шли тренировочные бои старших ребят. Среди них были уже знаменитые боксеры своего класса. На ринге боксировали чемпион Москвы Игнатьев и боксер Павлов, серебряный призер первенства мира среди юношей. Слышно было больше всего команду одного из тренеров:

— Павлов, уходи влево, еще влево... Игнатенко, не лезь на рожон, больше «левой», слышишь, больше «левой»...

Атмосфера была шумной, то и дело раздавались команды, звонкие, несдержанные реплики боксеров, и постоянно шла дробь ударов, словно десятки людей забивали подушками гвозди. Марков с Викторией Самариной присели на низкую скамейку вдоль стены и с волнением стали следить за всем, что происходит в зале. Лавринович был в ударе. После того как Игорь пробежал несколько кругов, Лавринович, надев лапы, стал показывать ему короткие серии. Видно было, что Игорь очень вкладывается в удар, но при этом нарушает дистанцию. Тогда тренер стал одной лапой его доставать и больно тыкать в голову и корпус. Когда дистанция была найдена, дело пошло лучше. Слышались команды: «Хорошо, Козлик!», «Еще, Козлик», «Сильней, Козлик». Игорь старался изо всех сил. Между тем в зал просочилась информация, что на тренировку пришел сын Козловского. Многие с интересом следили за разминкой Лавриновича с молодым отпрыском. Когда короткая разминка закончилась, Лавринович махнул рукой в сторону ринга и выразительно посмотрел на Маркова. Марков вскочил и быстро пошел к рингу. Лавринович, держа одной рукой Игоря, выискивал в зале партнера для новичка.

— Яцкин! — послышалась команда Лавриновича, — на ринг!

Крепкий, невысокий парнишка лет шестнадцати надел перчатки и через секунду уже был на помосте. Марков подошел к рингу и встал внизу в том углу, где находились Игорь и Лавринович. С другой стороны за спиной Яцкина расположился помощник Лавриновича по фамилии Стрига. В сущности, была обычная тренировка, но Маркову почему-то показалось, что сейчас свершится главное для Игоря. Это по неведомой логике почувствовали и все остальные в зале, они, казалось, только и ждали этого момента. Вмиг внимание всех приковал белый помост, где должно было свершиться либо рождение боксера и его признание, либо провал и разочарование.

— Владимир Иванович, — обратился Лавринович к Стриге, — последи за Яцкиным, а наш гость, известный в прошлом боксер, мастер спорта Вадим Марков, — Лавринович заглянул за канаты и жестом пригласил на ринг Маркова, — будет ассистентом новичка, которого мы сегодня принимаем в нашу секцию.

Вдруг Лавринович повысил голос и громко объявил:

— Дорогие друзья, на ринге Игорь Козловский, сын Алексея Козловского, нашего выдающегося русского боксера, чемпиона мира и Европы, боксера, сумевшего первым из российских полутяжей претендовать на звание чемпиона мира среди профессионалов. У нашего Козлика это первый бой. Поддержим его?

Раздались голоса: «Поддержим!» Кто-то крикнул «Козлик — вперед!»

— С ним будет боксировать Сережа Яцкин, который провел больше двадцати боев, одержал немало побед и стал бронзовым призером Москвы.

В это время на Игоря и Яцкина тренер Стрига надел шлемы и развел боксеров по углам. В центре остался только Лавринович.

Марков прижал Игоря к канату и стал нашептывать план боя:

— Игорек, он ниже, поэтому пойдет вперед. Уходи, держи дистанцию и делай то, что ты хорошо знаешь: работай левой, сбивай дыхание, маневрируй и готовь свою серию. Помнишь, как твой папа говорил: «Надо постараться!»

Он хлопнул Игоря по плечу и дал знак Лав-

риновичу, что боксер готов. Прозвучала команда: «Бой!»

Марков оказался прав. С первых секунд Яцкин пошел вперед и стал, как бормашина, молотить Игоря. Игорь уходил в сторону, кружил, отвечал единичными ударами, но пропускал очень много. Мама вскочила со своего места и бросилась к рингу, что-то советуя и крича на ходу. В зале поднялся страшный шум, слышны были нелестные реплики. Но Игорь держался. И вдруг произошло что-то странное. Игорь стал раскачивать корпус, делать уклоны, танцевать вокруг Яцкина, и тот, на секунду потеряв перед собой «мишень», сразу поплатился. Быстро проведенная серия с завершающим ударом справа буквально подкосила Яцкина. В зале все ахнули. «А удар-то у Козлика будьте покойны», — прокомментировал кто-то громко. Настолько все, что произошло, было из «другой оперы», что у присутствующих в зале сразу же возникла симпатия к новичку. Тут же появились болельщики, которые сначала тихо, а потом все громче стали кричать: «Ко-зел! Ко-зел!»

В этот момент в зал вошел Кирилл. Увидев отца около канатов ринга, он сразу оценил обстановку, сел на свободное место и стал внимательно следить за происходящим. Видимо, Яцкин действительно пропустил очень сильный удар, потому что его агрессивный напор ослаб и он стал работать на средней дистанции. Именно этого и ждал Игорь. Проведя два сильных удара по корпусу и не прекращая обманные движения, он стал вновь целиться в голову. Нарвавшись на сильный удар справа, Яцкин теперь был начеку. Тем не менее Игорь повторил предыдущую серию, но Яцкин сумел на этот раз уйти. Игорь еще раз, теперь уже специально, повторил тот же трюк, и опять Яцкин легко ушел в сторону. С упорством маньяка Игорь повторял то же самое, но при этом незаметно перекинул тело для удара левой рукой. Заметили эту уловку только Марков и находящийся в ринге Лавринович. И вот наконец фокус удался. Яцкин, привыкший к повторам, расслабился, и в этот момент Игорь сделал обманное движение. Ничего не ведающий Яцкин опять ушел влево. Но именно оттуда с разворотом тела на него обрушился удар левой, который хорошо помнили еще в исполнении отца Игоря. В зале раздалось общее «Ах!». Яцкин по-

шатнулся, ноги его подогнулись, и он, ухватив одной рукой канат, стал сползать. В зале притихли. Впечатление было таким сильным, что не хотелось комментировать. Для новичка исполнение таких комбинаций на ринге было равносильно сдаче экзамена на первый разряд. Марков и Виктория Сергеевна не могли прийти в себя. Стоя у выхода и поджидая дебютанта, они живо обсуждали случившееся.

— Когда же он подглядел все это? — все время повторяла мама. — Конечно, он смотрел записи, но ведь это всего лишь картинки. Как это передалось?

— Наследственность хорошая, вот и передалось, — отвечал Марков.

— Ведь надо же — вылитый отец! — продолжала Виктория Сергеевна. — Меня и так эти дни трясет, а тут просто колотило. Я с его отцом провела все тридцать четыре боя, а теперь вот еще и сын. Но как он дрался, — тут же с восхищением воспламенялась Виктория Сергеевна. — Я кричала и охала, глядя на него. Нет, не ожидала!

Она порывалась поблагодарить Маркова, но внезапно перед ней возник Кирилл.

— А вот, кстати, и мой сын, Кирилл Вадимович, — представил Кирилла Марков. — А это мама нашего героя, — Марков махнул рукой в сторону ринга, — Виктория Сергеевна — супруга известного политолога Алексея Петровича Самарина.

То ли оттого что Кирилл все последние часы думал о порученном деле, в котором Самарина занимала немалое место, то ли от внезапности встречи, но Кирилл буквально впился глазами в Victорию Сергеевну. Она показалась ему невероятной красавицей. Стройная, ясноглазая, с негустыми, пушистыми, хорошо уложенными волосами, с точеными формами, с чуть грустной и потому очаровательной улыбкой, она сразу произвела на Кирилла ошеломляющее впечатление. Виктория оценивающим взглядом посмотрела на Кирилла, словно изучая его, и в следующий момент глаза ее стали жалостливыми и по-матерински теплыми. Кирилл почувствовал, что она его приняла, и почему-то очень обрадовался этому. Протянув руку, Виктория Сергеевна взглянула на Кирилла и, не задумываясь, повторила недавнее сравнение Маркова:

— Ну что ж, и я не удивляюсь, Вадим Борисович, и здесь видна наследственность.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кирилл.

— Вот так вам всё и расскажи! Пусть это будет моим секретом, Кирилл Вадимович.

Но тут подбежал возбужденный и счастливый Игорь. Все набросились на него, стали хлопать, обнимать, трясти, а Кирилл вытащил новехонькую «паркеровскую» ручку и тут же подарил её раскрасневшемуся герою.

— Виктория Сергеевна, — с загоревшимися, вопрошающими глазами начал Марков, — мы с Кириллом по случаю встречи хотели отобедать вместе, составьте нам, пожалуйста, компанию с Игорем. Ведь повод замечательный! Мы просто обязаны отметить такой дебют.

Виктория Сергеевна на секунду задумалась, посмотрела восторженно на сына и, махнув рукой, заявила:

— Ну что, сынок, согласен?

Кирилл неуверенно пожал плечами, переключая решение на маму.

— Мы в эти дни не выходили, все ждем, что позвонит Алексей Петрович, — извиняясь, стала объяснять Виктория Сергеевна. — Я все забросила: и аспирантуру, и на работе два дня не появлялась. К тому же нам сегодня должны были звонить из прокуратуры.

Марков, давший слово Игорю помочь уговорить маму и показать тренеру Лавриновичу, в то же время понимал, что необходимо несчастную женщину и сына хоть ненадолго отвлечь от тягостных мыслей. А то, что случилось на ринге, было удобным поводом для его замысла.

— Виктория Сергеевна, мы ненадолго. Вечером мы должны быть дома. Жена давно не видела Кирилла, но у нас есть часок времени отметить эту грандиозную победу. Тем более ресторан тут рядом, на другой стороне улицы.

— Но ведь мы на машине, — махнула рукой в сторону стоянки Виктория Сергеевна.

— Ну и что, пусть стоит. Там и моя машина. Мы пройдем через переход и через пять минут будем в ресторане. Как ты смотришь на это, Кирилл?

— Виктория Сергеевна, прокуратура подождет, а вот такие победы бывают раз в жизни.

Кирилл прижал к себе Игоря и добавил:

— Давно я ничего подобного не видел. И по-

том, хотите вы или нет, но мы теперь отвечаем за того, кого приручили к боксу.

Виктория Сергеевна настрожилась и вопросительно посмотрела на Кирилла.

— Да-да, удачная мысль. Алексей Петрович что-то в этом роде любил повторять. Ну что ж, вы меня убедили. Тем более у меня нет никакого желания общаться с прокуратурой.

Марков посмотрел на Кирилла и еле заметно улыбнулся.

— Я тоже ненавижу прокуратуру, Виктория Сергеевна, — воскликнул Кирилл. — И чем дальше мы будем от нее, тем для всех будет лучше. Ну что ж, как говорил Бернард Шоу: «Ухаживая за другом, ты поднимаешься над самим собой». Поэтому разрешите предложить вам руку, Виктория Сергеевна, и прошу вашего разрешения сопроводить вас в ресторан.

Виктория Сергеевна улыбнулась, включилась в игру, и они с Кириллом под руку двинулись первыми. Марков и Игорь потянулись за ними.

* * *

В ресторане вся компания устроились в тихом уголке, подальше от эстрады и окон с мелькающими прохожими. Заказывали всё разное. Игорю был обещан торт. Когда разливали шампанское, Марков плеснул и Игорю. Тот попытался отказаться, но все настояли на символическом глотке победителя.

— Я рад, что наши надежды оказались оправданными. Игорь, ты молодец, — говорил Марков, держа в руке бокал шампанского. — За тебя, Игорек, за твои будущие успехи, так держать и всех тебе побед на свете. Твой папа вырос не на пустом месте, мой мальчик, — подумав, продолжил Марков. — У него были великие предшественники.

Все — и Кирилл, и Виктория Сергеевна — оказались знатоками бокса, перебивая друг друга, они стали вспоминать Королева и Щербакова, Лагутина, Попенченко и Агеева... Марков назвал талантливых латышских боксеров: Туминьша, Ровича, Третьяка.

— Все они были не только нашими лучшими боксерами, — пояснял Марков, — но по тем временам и лучшими в мире. Мировая известность в

боксе, конечно, пришла позже, когда рухнул железный занавес и многие пошли в профессионалы. Но таких успехов, как Алексей Козловский, из наших профессионалов добились немногие. Поэтому давайте помянем твоего отца, Игорь, и вашего супруга, Виктория Сергеевна. За великого русского боксера — Алексея Козловского.

После того как выпили и закусили, Кирилл почувствовал, что наступило время перевести разговор на другую тему, и неожиданно спросил:

— Виктория Сергеевна, а вы в прошлом спортсменка?

— В каком прошлом? — недовольно спросила Виктория Сергеевна.

— Ну, скажем так, в недалеком, — пояснил он, смутившись от допущенной бестактности.

— Нет, я не спортсменка. Но вы, наверное, хотите знать, где мы познакомились с отцом Игоря?

— Да, это очень интересно.

— Это простая, по-своему романтическая история с некоторыми элементами мистики. А было это так. После окончания финансового училища я работала в банке «Русьбанк» у метро «Домодедовская». В этом районе на Каширском шоссе жил Алексей со своими родителями — Надеждой Михайловной и Петром Борисовичем. Он у них единственный сын. Жили они хорошо, душа в душу. Когда Алексей стал ездить боксировать за границу, то часто забегал в банк менять деньги. Потом он узнал, что меня зовут Виктория. Рассказал, что занимается спортом. На мой вопрос, каким, встал в стойку и замахал кулачищами. Как-то, прощаясь, крикнул: «До встречи, моя Виктория». Ну, я посмеялась и забыла. Однажды мне коллеги по работе сказали: «Вчера приходил твой боксер и очень был расстроен, что не застал тебя». Не стал менять деньги у моей сменщицы, потому что якобы только я ему приношу победу. На следующий день он снова пришел, я ему поменяла деньги и вдруг услышала, что я его талисман. Конечно, трудно поверить, что в банке можно найти талисман. В России в банке нередко оставляют последнее — надежду. Уж поверьте, я это знаю. И тут он мне рассказал, что перед поездкой на чемпионат Европы менял деньги в другом банке и в результате не только потерял их, но и проиграл бой в фина-

ле. С этого дня он стал заглядывать «на огонек», потом стал провожать до дома.

— Мама, ты забыла, что папа все-таки был твоим инкассатором, — смущенно вставил Игорь.

— Да-да, он придумал себе роль инкассатора и по дороге сочинял разные криминальные сюжеты, в которых спасал меня от рук бандитов и грабителей.

— Ну а дальше все было, как у всех: после очередной победы Алексей окончательно решил, что я его талисман. Мы поженились. С тех пор он больше не проигрывал ни одной встречи, — с гордостью закончила свой рассказ Виктория Сергеевна. — Кстати, это мое качество почувствовал и Алексей Петрович. Но это совсем другое дело.

— И вы были на всех боях? — воскликнул Кирилл.

— Да, я была на всех боях.

— Назначение женщины — служить своему мужу. Как только она решает, что все должно быть наоборот, тут божья благодать ее оставляет.

— Вы считаете, что роль рабыни самая подходящая для женщины? — не удержался Кирилл.

— Допрашивать — плохой тон в разговоре даже с приятелями, — строго отчитала она Кирилла. — Но я отвечу: как бы мужчина ни стремился к совершенству, женщина всегда ближе к нему. Бог наделил женщину огромной властью, и никакие правила, придуманные мужчинами, это не изменят. Конечно, есть мужчины, которые ищут себе рабынь, думая на них потом ездить, но, в конечном счете, все получается наоборот. Шея управляет головой, даже когда голова спит.

— Да вы просто какая-то Кассандра, Виктория Сергеевна, — с улыбкой и восхищением воскликнул Кирилл. — И вы можете сказать, к примеру, какая женщина нужна тому или другому мужчине?

— Могу. Но не часто это делаю.

— По всей видимости, вы обладательница особых феромонов? — не унимался Кирилл.

— Ну, хватит допрашивать, Кирилл, а еще говорил, что ненавидишь прокуроров.

Виктория Сергеевна по-доброму посмотрела на Кирилла и с сочувствием бросила Маркову:

— Нет-нет, вашему ребенку, Вадим Борисович, в детстве не хватило материнской ласки, поэтому он такой почемучка.

Глаза Кирилла мгновенно стали другими, словно кто-то дотронулся до тщательно скрываемой раны. Он по-мальчишески оробел и, повернувшись к Игорю, стал подкладывать ему в тарелку салат. Эта незнакомая женщина незаметно его подчиняла.

На помощь пришел Марков.

— Дорогая Виктория Сергеевна, — обратился он к женщине, — во-первых, спасибо, что вы согласились с нами посидеть, во-вторых, все, что вы говорили, мне кажется правильным. А уж о моем сыне совсем верно. — Марков с нежностью посмотрел на сына и ободряюще кивнул ему. — Его мама, к несчастью, очень рано покинула нас. Мы ее очень любили. Я хочу выпить за вас, дорогая Виктория Сергеевна. Поверьте, мы сделаем все, чтобы счастье вновь вернулось в ваш дом.

Отпив маленький глоток шампанского, Виктория Сергеевна вдруг разоткровенничалась:

— Я собираю для Алексея Петровича материал для новой книги по экономике. В этой работе мы, как никогда, оказались друг другу полезными, и вдруг я словно провалилась на дно колодца. Зову, зову, и никто не подходит. Политолога нет, работа остановилась. Мои студенты из университета управления звонят: что случилось? Отвечаю, держу паузу, а сама, глядя на телефон, чуть ли не каждый день реву. И вот неожиданно появились вы, Вадим Борисович, с заботой о моем Игоре, и вы, Кирилл Вадимович, с вашим нежным настрадавшимся сердцем, и мне сегодня, особенно после победы Игорька, стало необыкновенно хорошо. Появилась уверенность, что рядом настоящие люди, наши с Алексеем Петровичем друзья. Спасибо вам за это. Я хотела бы выпить за вас и пожелать, чтобы мы не ленились и почаще встречались.

— Да, — подхватил Кирилл, — у нас еще будет возможность и встретиться, и помочь вам.

В это время на столе появился красивый большой торт. Под общее ликование Марков бросился отрезать самый большой кусок Игорю. Затем принесли чай, кофе и коньяк. Коньяк пил только Кирилл.

Маркову и Виктории Сергеевне предстояло вести машину. Неожиданно во время общего разговора кто-то позвонил по мобильному телефону Виктории Сергеевне.

— Здравствуй, Неля, — ответила Виктория

Сергеевна, и лицо ее сделалось сосредоточенным и строгим. Она повернулась ко всем и тихо пояснила:

— Это редактор последней книги Алексея Петровича.

— Ты слышишь меня, сегодня я была на допросе в прокуратуре, — доносилось из трубки.

— Когда тебя допрашивали?

— Только что!

— И что? — поглядывая в сторону притихшей компании, спрашивала Виктория Сергеевна.

— Мерзость какая-то! — звенело в трубке. — Представляешь, какие вопросы задавал этот отморозок? Нет ли у вас любовника? В каком банке вы держите с Алексеем Петровичем деньги? Чем вы занимались за границей? Вышла, как в помойке побывала. Ты уж, пожалуйста, не поддавайся им. Держись! Вправь им мозги.

— А почему ты говоришь «им»?

— Потому что этот недоумок, Глухов, кажется, его фамилия, сказал, что к делу подключили еще одного прокурора. Из другого города. Кажется, из провинции.

— Да что они, хотят совсем дело загубить? — громко возмутилась Виктория Сергеевна.

После этих слов Кирилл насторожился и с тревогой посмотрел на отца. Марков дал понять, что лучше молчать.

— Можешь себе представить, что он придумал? — слышалось на другом конце.

— Могу себе представить.

— Не можешь, моя дорогая Викуша! Оказываешься, я любовница Алексея Петровича.

— Он что, прямо так и сказал?

— Нет, все в намеках. Ничего напрямую. Ну вылитый Порфирий Петрович из Достоевского. Так что ты держись! Вика, я звоню с улицы, здесь шумно. Созвонимся вечером. Я еду к себе. Пока.

— Пока, Неличка.

Она отключила телефон, и на ее глазах появились слезы.

— Господи, что они с нами делают. Ужас какой-то в этой стране. Всё ставят с ног на голову. Неля — «любовница» моего Алексея Петровича.

Кирилл, видя такое отчаяние, уже хотел вмешаться и хоть отчасти признаться, почему он, в сущности, оказался в Москве, но в этот момент Виктория Сергеевна перешла на оценку его собственной персоны.

— Можете себе представить, выписывают какого-то мухомора из провинции и ему поручают вести это дело. Нет, завтра же я подключу тех, кто этот беспредел остановит! Я это так не оставлю! Бедная Неля, чего только из нее не вытягивали! Нет, дорогие мои, это вам не 37-й год, не выйдет!

Марков и Кирилл, слушая ее тираду, не на шутку испугались. На выручку пришел сам Кирилл.

— Виктория Сергеевна, нельзя жаловаться, когда у вас не было ни одной встречи с прокуратурой. Это не основание, и такой иск будет моментально дезавуирован. Во-вторых, надо знать, кому жаловаться. В следственное управление — пока рано. В Минюст еще не время, а до суда — целая вечность. Завтра они найдут нашего Алексея Петровича, и вам будет стыдно, что вы, с вашим умом и интуицией, наделали столько ошибок и к тому же породили столько врагов.

— Вы, я смотрю, не такой уж «почемучка», — улыбнулась наконец-то Виктория Сергеевна. — Пожалуй, вы правы. Надо подождать.

— Конечно, подождать, — подхватил и Марков. — Если понадобится вмешаться, вмешаемся вместе. Пусть этот новый прокурор поработает. Возможно, это даже неплохо, что он сторонний человек. Со стороны, как говорится, и Москва виднее. — Марков оглядел стол, всех присутствующих и улыбнулся, глядя на притихшего Игоря.

— Давайте вернемся к нашему событию. Игорь весь вечер сидит, словно воды в рот набрал. Устал, наверное?

Игорь утвердительно кивнул головой и улыбнулся. Марков взял недопитый бокал, высоко поднял его и торжественно произнес:

— Еще раз за тебя, Игорь. В добрый путь, мой мальчик. Сегодня твой день, твое крещение. Никто тебе не помешает, кроме себя, и никто тебе не поможет, если ты не захочешь помочь себе сам.

Стали чокаются, опять стало шумно, лица повеселели.

* * *

Позже, когда отец и сын возвращались домой, Марков, решивший не рассказывать сыну о своем участии в его вызове, коснулся дела:

— Рад, что ты теперь надолго в Москве, — поглядывая на дорогу и искося на сына, говорил он. — Я хоть смогу на время отлучиться. Есть на кого оставить дом.

— А куда ты собрался, отец?

— Во-первых, мне надо срочно провести конференцию в Мюнхене. Я с трудом уговорил академика Бореева, чтобы он выступил в поддержку Самарина. Он неважно себя чувствует и к тому же, как все старики, недолюбливает Германию. Еле его уломал, пообещав полное обследование у Вайса.

— А что, у Бореева печень нездорова? — спросил Кирилл.

— Не только печень, жалуется на сердце, к тому же у старика диабет. Потом, мне надо потолковать с Вайсом по делам фирмы. Кризис хоть и не снес нас, но по многим показателям мы отброшены существенно. Шутка ли, целый фармацевтический завод открыли. Двести семьдесят рабочих мест, все это содержать надо, а спрос, покупательная способность падает. Супруга Вайса настаивает, пока мы еще на плаву, завод продать. А куда людей? Выкинуть? У меня рука не подымется. Придется убеждать, ссориться, доказывать... В свое время она подталкивала нас с Вайсом открыть этот завод не в Германии, а в Америке. Слава Богу, тогда удалось не совершить этой глупости. Ты же знаешь, производство лекарственных средств всегда было одной из самых прибыльных отраслей американской экономики, но уже то, что скоропалительно слились два гиганта, «Pfizer» и «Wyeth», стоимостью 68 миллиардов долларов, говорит о том, что США двумя ногами увязли в рецессии.

— А ты нашел выход, коль не идешь на сокращения? — поинтересовался Кирилл.

— Какой выход, сынок, когда этот кризис, как смерч, катится по планете. Мы с Вайсом должны, как страусы, спрятать головы и сделать вид, что нам не страшно.

— Сочиняешь, отец. Страусиная политика не твой конек. Что-нибудь придумал?

— Мы производим уникальные лекарства. Поэтому надо не сворачиваться, а налечь на рекламу и новые рынки.

— А как у вас отсюда, из Москвы, видится кризис? — перебил Кирилл.

— А он отовсюду видится одинаково, Кирилл. Алчность да ложь, плюс немислимый криминал — вот откуда кризис. Шутка ли, за спиной классической банковской системы создали посредническую, которая весит 10 триллионов долларов, то есть столько же, сколько и классическая. Она свободна от регламентаций и страхов, их инвестиционные банки занимают средства на рынке кредитов, и эти ребята, как правило, крупные чиновники. Они через хеджевые фонды спокойно действуют в рыночной сфере. Точнее, не действуют, а то, что хотят, то и воруют. Это, сынок, закат!

— Бабеля, что ли? — пошутил Кирилл.

— Это закат американского могущества. У и, естественно, Бабелей тоже. Конечно, Обама — это не Джордж Буш-младший. Аппетиты многих он поприжал. Но если даже его команда вынуждена распределять дополнительные ассигнования без необходимых предосторожностей, теряя из-за этого огромные средства, то наши крупные чиновники под артиллерийский салют, посвященный борьбе с коррупцией, через хедж-фонды, зарегистрированные на Багамах, за последнее время вывели за границу такие деньги, что нам с тобой, господин прокурор, и не снились.

— Сколько?

— Миллиарды долларов. А где деньги — там и ловушка. Мы предоставляем США российское воздушное пространство для полета в Афганистан, а американцы за счет этого хотят разрешить стратегический конфликт с Китаем, а нас между делом поставить в двусмысленное положение. Беда в том, что мы с нашей сговорчивостью можем попасть в ловушку, как уже было не раз.

— Китайцы тоже не сахар. Там набирает силу католическое влияние. Пекин достиг договоренности с Ватиканом о соглашении заниматься католической церковью в Китае.

— Это что, правительство решило взять христианство под контроль?

— А что делать, число китайцев, на которых воздействует религия, растет с космической прогрессией. За год у них до 75 тысяч протестных выступлений. Представь себе такой кошмар: появится Мао II, пользуясь беспорядками, сметет нынешнее руководство и под рели-

гиозным флагом захватит Пекин и объявит себя братом Христа.

— Так это было — восстание тайпинов в середине XIX века.

— Так это ты знаешь, а другие ведь ничего не знают. Многие, к примеру, не знают даже о том, что «Леонтьевский центр» предлагает половину Владивостока отдать в аренду Китаю на 75 лет. В китайской части города будет китайская администрация, которая будет управляться чиновниками из Харбина. Сообщение с российской частью города будет осуществляться через таможенные и пограничные посты. Известно, что у нас практически нет специалистов, способных оценить сложившуюся ситуацию с непрокитайских позиций, поскольку большинство китаистов учатся по китайским программам. А китайцы их субсидируют. И я полагаю, папа, что предложение по Владивостоку — только первый шаг. Они уже замахиваются на весь Дальний Восток и Сибирь.

— К чему ты ведешь? Хочешь поссорить нас с Китаем? Видать, довели тебя в Благовещенске китайцы до белого каления.

— А разве в Москве, на Черкизовском рынке, не довели? Еще как довели! Только что мы в Благовещенске провели операцию — потеряли людей, главный преступник сумел сбежать

— Плохо. Преступников надо ловить и сажать. Но это все-таки мелочи. Главное — Китай наш исторический союзник, этого не надо забывать, сынок. С китайцами можно договориться. А с американцами только до первого темного угла. Американцы при Обаме стали делать ставку на «план Бжезинского».

— И что это за план?

— Очень простой — договориться убрать «медведя». Поэтому схватка становится неизбежной. Если при Буше «кушали» Большой Ближний Восток, то сейчас центром внешней политики Вашингтона может стать...

— Россия! — в тон отцу продолжил Кирилл.

— Во всяком случае, мы вновь выходим «на линию огня». На последнем совещании Радов правильно говорил: минимум до 2012 — 2015 годов мы защищены благодаря тяжелым ракетами, но избежать локальных конфликтов, типа грузино-осетинского, скорее всего, не удастся. Я к тому все это говорю, Кирилл, что у меня

подозрение: дело, за которое ты взялся, и сама личность политолога Самарина напрямую связаны именно с этими вопросами. Сейчас в политике ситуация стратегического шока. Ясно, что строится новая парадигма. Даже армия может не решить свои вопросы. Как отмечает в своей книге Самарин: «Все страны поднимаются по разным лестницам и не хотят спуститься, договориться и понять, что всем надо и куда идти». Самарин, видимо, знал или предвидел то, что нам пока не дано понять. Вот почему от твоей работы напрямую зависит, как нам вести себя дальше и как отвести от нашей страны дополнительные угрозы.

— Именно поэтому нужна пресс-конференция Борева? — поинтересовался Кирилл.

— Конечно. На Борева слетятся представители разных ведомств. Кто-то, не исключено, проговорится или проколется. Для опытных людей это площадка для выводов и решений. К тому же мне самому необходимо срочно ложиться в клинику Вайса. Очередное обострение. Видишь, стали краснеть швы.

— Да, я это заметил.

— Если я это не сделаю в ближайшее время или упущу время, доктор Чердак уверяет, что эти красные полосы останутся навсегда.

— А отчего это, папа?

Машина свернула на Садовое кольцо, и они поехали через Курский вокзал на Рязанское шоссе и дальше к Шереметьевскому парку, рядом с которым несколько лет назад поселились Марковы.

— Трудно сказать, Кирилл, — нехотя продолжил Марков. — Долгое время после ранения и операции все было в порядке. И вдруг обострение! Причин много, но, скорее всего, вес, питание и нервы, конечно. Да вот, кто знал, что с самаринским проектом получится такая чертовщина. Даже не чертовщина, а дьявольщина.

Марков замолчал, мысленно возвращаясь к событиям, произошедшим в последние дни. Он стал подробно рассказывать сыну о хищении рукописи, о совещании у Радова, о милиции, которая арестовала ни в чем не повинного Игоря, о странном звонке какой-то старухи, звонившей Виктории Сергеевне. Все эти картины мелькали в сознании Кирилла, обрастая версиями и гипотезами. В какой-то момент до его

сознания дошло и главное, что торопился внушить отец перед отъездом:

— Скорее бери дело в свои руки. Этот Глухов наломает таких дров, что мало не покажется.

Дома их уже встречали Валентина с дочкой. Смущенная Агриппина при виде старшего брата спрятала личико на плече мамы, а потом позволила взять себя на руки. Валентина неотрывно рассматривала Кирилла, который показался ей исхудавшим, почерневшим и неухоженным.

Впрочем, уже через десять минут они сидели за столом, опять что-то ели и не переставая говорили. На семейном совете решено было отпустить отца за границу, а сыну срочно купить пару приличных костюмов.

Валентина, быстро уловившая, что Кирилл в разговоре о предстоящем деле и особой роли в нем Виктории Сергеевны испытывает волнение и чего-то побаивается, поспешила предложить целую «оздоровительную программу», которую без труда можно совместить с самой интенсивной работой. Про себя же она решила познакомиться Кирилла с какой-нибудь женщиной. На этот случай одна привлекательная особа у нее давно была на примете.

* * *

Несмотря на то что печень генерала Стива Рейса никуда не годилась, тем не менее он уже на следующий день пришел в себя и попросил аттестационный лист ЦРУ на доктора Чердак. Характеристика оказалась вполне положительной. Просмотрев доставленные документы, он на всякий случай положил их в тумбочку, предполагая при случае воспользоваться ими, если что-то будет не так. Впрочем, уход доктора Чердак из ЦРУ в связи с замужеством и отъездом в Европу вместе с мужем-хоккеистом никогда не считалось в ЦРУ серьезным мотивом. Такие люди нередко были активными и в таком качестве верой и правдой служили ЦРУ. Исходя из вышеизложенной логики, Стив Рейс решил, проходя курс лечения, создать себе условия для развлечения. Чем лучше становилось печени благодаря чудодейственному препарату «Изком-2», тем активнее становилось ухаживание Рейса за Чердак. При

встрече он говорил кучу комплиментов, строил глазки, не скрывал наступательного темперамента и всячески давал понять, что влюблен и ждет ответного чувства. Чердак воспринимала все происходящее как игру. Когда ухаживание усиливалось, противодействие Чердак соответственно возрастало. Тогда одному из близких сотрудников он поручил разузнать о мотивах сопротивления Чердак подробнее и доложить ему при встрече. Когда Питер Тэл появился в больнице со свежими данными, оба цэрэушника заперлись с бутылкой виски в свободной ординаторской. Питер Тэл прекрасно знал своего шефа и всегда умело поддерживал с ним близкие, доверительные отношения. Вот и сейчас принесенные Тэлом на всякий случай «боевые» виски, любимая закуска шефа в походных условиях и разговор о женщинах были продуманы безупречно. Первое, что он сообщил шефу после выпитого маленькими глотками виски, что Чердак свободна и никаких соперников на горизонте нет и не намечается.

— Правда, она, — добавил Тэл, — до сих пор числится замужем за хоккеистом. Но общаются они крайне редко и большей частью через Интернет. Переписка невинная: разговоры о его здоровье, у него был перелом ноги, о бытовых вещах — нет ли долгов по оплате общего дома в Праге.

— Есть ли что компрометирующее в их отношениях? — перебил Рейс. — Не давала ли она в письмах неверных, самонадеянных оценок, не делилась ли своим прошлым? Словом, есть ли что-нибудь о нас? Или что-нибудь о политике?

— Нет, ничего. Есть одно пикантное упоминание о ЮАР и Китае в связи с покупкой золотого перстня.

— Что именно?

— В переписке она интересуется его любовницами и предлагает выслать ему качественные немецкие презервативы.

— Непонятно, при чем тут ЮАР и немецкие презервативы?

— Она выразила сожаление, что с тех пор как Китай обошел ЮАР в золотодобыче, у нее появилось подозрение, что и ее перстень китайского происхождения. К этому добавляет, что бы ее хоккеист был внимательнее с женским

окружением, потому что скоро и презервативы будут только китайскими и могут сослужить ее мужу плохую услугу.

Рейс рассмеялся и, закусив маслиной очередной глоток виски, спросил:

— Мадам намекает на ненадежность китайских презервативов или на их размер?

— Думаю, что на то и на другое.

На этой фразе оба громко рассмеялись и тотчас замолкли, услышав чьи-то шаги в коридоре. Выдержав паузу и наполнив небольшие походные рюмки спиртным, они молча еще выпили и закусили.

— Значит, судя по настроению, мадам не против игры в гольф, — с оживлением от выпитого спиртного произнес Рейс. — Важно точно ударить и попасть без китайских церемоний в лунку.

— Убежден, шеф, что объект готов, но ее смущает ваше происхождение?

— Ты думаешь, она знает, что я из рода герцогов Мальбруков? — вдруг оживился Рейс.

— Возможно, знает и это. Но боюсь, что больше её смущает ваше военное положение. Нужен неожиданный ход. Таким ходом может быть подарок. Какое-нибудь миниатюрное красивое золотое кольцо из юаровского золота. Вы благодарный пациент, она — лечащий врач. Такой подарок смягчит любое женское сердце и докажет серьезность намерений. Не забывайте, она полуеврейка. Женщины этого типа и темперамента любят золото.

— Но где я тебе раздобуду это кольцо, когда я в таком положении?

— Шеф, все уже сделано и доставлено. — С этими словами Тэл достал из кармана коробочку с кольцом и бережно передал её Рейсу. — Размер точный — восемнадцать с половиной.

Рейс мгновенно просиял и осторожно открыл приготовленный подарок.

— Прекрасная вещь! Как я тебе благодарен, Питер. Это то, что надо. Не сомневайся, я тебя отблагодарю за это.

— Шеф, не стоит благодарности. Ваше здоровье и настроение для меня — самая большая благодарность Я никогда не забываю, сколько вы для меня сделали.

— И еще сделаю, Питер, ты не просто сослуживец, ты мой друг! — перебил его Рейс.

Получив порцию лирического адреналина, он решил вспомнить о делах.

— Что нового в работе с русским политологом? Сумел Керри его разговорить?

Тэл помялся и уклончиво начал:

— Дела продвигаются. Русский оживился, стал запрашивать прогулки, делает какие-то смешные спортивные упражнения, но плохо ест, жалуются на печень и головные боли.

— И молчит?

— Пока молчит.

Рейс тяжело вздохнул и выругался.

— Керри всегда был тупым костоломом. Проклятая болезнь, я бы ему развязал язык.

— Ты прав, Стив, на полковника Керри и его людей Самарин реагирует негативно. Просто молчит или отвечает зло. Мне кажется, здесь нужен другой человек. Помнишь, у нас был старина Билл?

— Как же, он был превосходным работником, если бы не конфликт с тогдашним хозяином, мог бы еще работать.

— Здесь нужен человек такого стиля, безупречно владеющий русским. В общем, человек той школы.

— Тэл, не темни! Я так понимаю, Керри проваливает нам дело? Давай вызывай Билла. Мы не можем церемониться.

— Билл давно на пенсии, тут все непросто.

— Вызовем. Он ведь был лучшим специалистом по СССР.

— У него школа, причем отличная.

— Тогда не затягивай, обоснуй и пошли рапорт о необходимости такого сотрудника, сошлись на меня. И так все сроки уходят. Я говорил с Барри. Того и гляди, несмотря на наличие в команде президента нашего человека, настроение может резко измениться в пользу других сценариев. Мой дорогой Тэл, я проклинаю рейгановское время, когда началась эта дьявольская зависимость от гадалок и ясновидящих. Стоит появиться какому-нибудь «фокуснику», и наши политики словно в штаны накладывают.

Тэл прекрасно знал эту особенность Рейса в присутствии подчиненных обвинять высокие лица, с тем чтобы проверить настоящую преданность американскому флагу. Поэтому такая проверка требовала адекватного патриотического ответа:

— Но согласитесь, дорогой шеф, по части ошибок Рейган был исключительно неуживимым политиком. При нем мы не только процветали, но и были практически недосыгаемы, несмотря на наличие большого Ивана. Однако при этом президенте, когда чуть ли не на каждом углу трезвонят о торжестве американской демократии, когда в Овальном кабинете сидят в джинсах и курят все, кому захочется, нам приходится с ними считаться.

Рейс понимал, что Питер Тэл прав. Он знал полковника давно и мог позволить себе говорить с ним откровенно, к тому же оторванность от привычной обстановки и алкоголь сделали его разговорчивым и по-своему дальновидным.

— Надо отличать шоу от политики, мой друг. Сколько я вас учил, что необходимо прислушиваться к таким личностям, как Джон Крэдокк или Роберт Гейтс, чтобы понять, что хочет «фининтерн». Нам сейчас нужны не локальные конфликты на Кавказе или, того хуже, у черта на куличках. На фоне экономического спада нам необходим не консенсусный стиль работы, не антитеррористические спецоперации в Пакистане, не операции против «сомалийских пиратов» или организации «Объединенные исламские суды», ни даже Зимбабве с ее нефтью, нам выгоден новый военный конфликт России с Грузией, так же, как и военный конфликт между Россией и Украиной вокруг Черноморского флота и поставок газа. На этом фоне мы переведем стрелки китайского заговора не в нашу сторону, а на Восток. Затем управляемый кризис следует направить в такое русло, которое будет способно остановить, а может быть, и обрушить «китайское чудо». Но это дальше, дальше, дальше... Сейчас же, прежде всего, чтобы восстановить приоритеты США, нам надо «поставить Россию на место». Вот почему нам необходимо любой ценой разговорить Самарина, узнать, что известно русским об этой операции, дезавуировать любую опасную информацию и незамедлительно начать действовать. А пока ситуация близка к стратегическому шоку. Пойми, если мы в ближайшее время не сдвинем ее с мертвой точки, армия не сможет решить свои стратегические вопросы.

Видя, что Рейса в этом состоянии не остановить, и зная его «черчилльский синдром» — в

пьяном состоянии выстраивать конспирологические концепции, Тэл решил в бочку меда бросить ложку дегтя.

— Дорогой шеф, есть один факт, который всплыл буквально вчера вечером. В Мюнхен прибыл академик Бореев. Его встречали российский посол Карпов и некто Марков — российский издатель, человек, по непроверенным сведениям, близкий к правительственным кругам.

— Зачем этот старый хрен прилетел в Мюнхен? — сразу протрезвев, спросил Рейс.

— Опять-таки, по непроверенным сведениям, Бореев хочет провести пресс-конференцию и, кажется, собирается лечиться у Вайса.

— Это что, он объявится здесь?

— Мой дорогой шеф, это не исключено.

— Почему я только сейчас узнаю неприятные вещи, Питер? В кое-то время сподобилось отдохнуть, увлечься, и опять неприятные люди. Смотрите, чтобы он на пресс-конференции не проговорился. Мне докладывали, что в Москве поднялась шумиха в связи с исчезновением Самарина. Бореев — упрямый старик, под давлением общественного мнения он может выкинуть непредвиденное. Возьмите его под особый контроль, полковник Тэл. Проверьте и этого русского издателя. Под маской всех издателей в России всегда работали чекисты, стукачи и разведчики. Поэтому будьте внимательны, Питер.

Рейс встал и попробовал размять ноющую в последнее время спину. Заметив на столе коробочку с кольцом, он снова бережно открыл ее и улыбнулся Тэлу.

— А за кольцо большое вам спасибо. Я сегодня же попробую этим воспользоваться. Кстати, за перепиской с ее мужем продолжайте следить, вдруг она снова разоткровенничается, теперь уже о золотых кольцах.

В этот момент в дверь постучали. По команде Рейса Тэл вынужден был, спрятав спиртное, быстро открыть дверь ординаторской. Перед ними в белом халате во всей красе стояла доктор Чердак и вопросительно глядела на застигнутых врасплох представителей ЦРУ. Питер Тэл быстро простился с доктором, а Рейс попытался все свести к шутке, когда Чердак заметила спрятанное спиртное. Впрочем, это не помешало ему неожиданно легко договориться с Чердак о по-

сещении знаменитого ресторана на острове, о котором он просил упрямую докторшу последние два дня. Она решила встретиться с Рейсом в другой обстановке. Именно это рекомендовал ей старый коллега по ЦРУ в телефонном разговоре после того, как она рассказала о домогательствах стареющего Казановы. Опытный разведчик, наслышанный о «подвигах» Рейса, посоветовал собрать о генерале компромат и передать ему для дальнейшего использования. Старый друг прекрасно разбирался в подобных ситуациях и знал противоядие от них. Доктор Чердак, высчитав периодичность встреч Рейса с его помощником Питером Тэлом, на свой страх и риск решила в ординаторской оставить сумку с небольшим записывающим устройством. Когда после ухода генерала она прослушала состоявшийся разговор, то поняла, что этот материал не только нельзя использовать, но лучше как можно скорее от него избавиться, и решила стереть его дома. Однако, прослушав еще раз в спокойной обстановке, поняла, что такой компромат уничтожить пока преждевременно. Она рассчитывала, что условленная встреча в ресторане и та информация, которую она получила, помогут ей без посторонней помощи избавиться от назойливого ухажера.

На следующий день доктор Чердак и генерал Рейс после вечернего осмотра вышли погулять в парк. Под белым халатом на Чердак оказался красивый темно-синий костюмчик, скрадывающий пышную грудь и покатые плечи. В этом костюме она походила на Виолу — героиню шекспировской «Двенадцатой ночи», переодешуюся в костюм брата-близнеца. Держалась она уверенно и доброжелательно. Рейсу впервые показалось, что в их отношениях произошел перелом. Озеро в вечерних лучах солнца выглядело сказочно красивым, а остров в центре манил своей таинственностью и густыми зарослями. В это время туристов было немного, и они, беседуя, направились к лодочной станции. Рейсу не давала покоя полученная от Тэла информация о муже Чердак, и он постепенно перевел разговор о Праге, где Чердак имела с супругом свой дом. Неожиданно она сама заговорила о своей семейной жизни:

— С мужем мы расстались на время. Вот уже пять лет, как живем в разных концах Европы.

Он человек совсем неплохой, но оказалось, что для семейной жизни этого недостаточно. Правда, периодически мы встречаемся, и тогда нам бывает интересно и весело вместе. Совсем недавно мы были вдвоем в Вене. Но спустя какое-то время мы начинаем скучать и расстаемся до следующего раза. Получается романтично и ненавязчиво.

— А вам не хотелось с ним расстаться и выйти замуж за другого человека? Более содержательного, надежного, с чувством юмора и, главное, перспективного, — довольно прямолинейно рассуждал Рейс. Чердак искоса посмотрела на генерала, не себя ли Рейс имеет в виду. Поняв, что это обычное мужское ухищрение, чтобы привлечь к себе внимание серьезностью намерений, ответила:

— Я не имею права это делать. Во-первых, я обвенчана, во-вторых, кроме мужа никого из мужчин не люблю.

— Но вы же нравитесь мужчинам! Даже я это не скрываю, — настаивал Рейс.

— Конечно, у меня были варианты изменить свою жизнь, но, повторяю, я не имею права это делать. Мы с вами из такого ведомства, что, надеюсь, не мне вам это объяснять.

— Только не говорите мне, что вы и теперь мой боевой товарищ. Вы ушли из ЦРУ давно и добровольно, это нетрудно установить.

— Я знала, что вы будете этим интересоваться, но это не совсем так. Вернее, далеко не так. Вы, конечно, знакомы с генералом Томми Френксом?

— С бывшим главой центрального командования? — осторожно переспросил Рейс.

— Вы же знаете, что бывших командующих такого уровня не бывает. Сейчас он входит в группу советников нового президента. Когда совсем недавно я говорила с ним по телефону, то обмолвилась, что знакома с вами и что вы сейчас в моем распоряжении. — Чердак хлопнула генерала по плечу и весело рассмеялась. — Спокойно, генерал, я сказала, что мы ремонтируем вам печень и намерены выпустить вас отсюда как можно скорее. По-моему, он даже обрадовался, что вы в надежных руках.

На этот раз рассмеялся Рейс. Настолько неправдоподобно звучала вся эта история со звонком Френксу. Но следующей фразой

Чердак и впрямь озадачила самоуверенного цэрэушника.

— Из разговора с Френксом я поняла, что у вас какое-то ответственное задание, генерал, а вы, оказывается, своей неожиданной болезнью срываете его.

Лицо Рейса стало красным, и он впервые отнесся ко всему услышанному серьезно.

— Нет-нет, разговор шел вполне доброжелательный, — быстро успокоила его Чердак, — но вы же знаете, тут важно услышать интонацию.

— И какая интонация вас смутила? — дрогнувшим голосом спросил Рейс.

— В интонации было нетерпение. Впрочем, я больше ничего вам не скажу. Вы очень впечатлительны. Не хочу вас расстраивать. И вообще, давайте об этом сегодня не будем говорить.

Сделанное ударение на «этом» было важной деталью во вступлении к задуманному плану Чердак, Рейс погрузился и стал нервничать. Впереди показались пристань и силуэты причаленных лодок.

— Посмотрите, мы уже рядом с лодочной станцией, — сказала она, указывая в сторону тесно прижатых друг к другу лодок.

— Прекрасно, — с наигранным воодушевлением произнес генерал, — я предлагаю на какой-нибудь из этих гондол переправиться на остров и поужинать в ресторане.

— С величайшим удовольствием, Стив. — Чердак впервые назвала Рейса по имени, что укладывалось в программу «то в жар, то в холод». Рейс вызвался сам грести. Вскоре они уже сидели в лодке и неторопливо плыли к острову. Кто-то из туристов громко включил итальянского певца Паваротти, и над озером поплыл незабываемый голос. Великий певец вспоминал гения вокала Карузо. Рейс неторопливо греб в сторону причала, а над ним, рядом и высоко в небе звучала отрывистая, скорбная и вместе с тем мелодичная тема, столь отвечавшая внезапно изменившемуся настроению Рейса. Несколько точных уколов, сделанных Чердак, стали неумолимо переводить его отношения к этой женщине в другую плоскость. Нет, он еще не собирался сдаваться, но почувствовал, что становится очень осторожным, а это качество — не самое удобное для курортного романа.

В ресторане благодаря Чердак их встретили

как старых знакомых. Рейс не устая предлагал своей спутнице разные угощения, но Чердак попросила самое простое: индейку на пару с овощами и красного сухого вина. Рейс заказал рыбу с салатом из грейпфрутов, немного белого вина с разрешения Чердак и много сладкого к кофе. Коробочку с кольцом он взял с собой и только ждал удобного случая, чтобы подарить своему лечащему врачу. Однако разговор перекинулся на его семейные отношения, и ему пришлось долго жаловаться на свою, как он выразился, необразцовую жизнь.

— Расскажите лучше о том, как ваша супруга управляется с вашим неистовым темпераментом? — спросила Чердак после большого экскурса в семейные предания Рейсов.

— В семейной жизни я стараюсь не быть генералом и начальником. Мне нравится уступать, делать своим девочкам подарки и не расстраивать их дурными привычками. Конечно, изредка я запираюсь у себя в кабинете, где у меня чудесный бар, телевизор и кинозал, и предаюсь своего рода разврату. Часами смотрю новые фильмы, слушаю музыку и, представьте себе, мечтаю.

— А разве жена не составляет вам компанию? Ведь иногда совсем неплохо в свободное время вот так уединиться с любимым человеком и предаться всяким милым пустякам.

— Мой милый доктор, как сказал ваш коллега доктор Чехов: «Жена есть жена». С женой мечтаешь в пределах общего бюджета, налогов и счетов в банке. Мне же в такие минуты хочется чего-то недостижимого, красивого и чувственного. Мужчины ведь неисправимые сластены. Мы способны за минуты высокого чувства платить не только огромную цену, но и рисковать жизнью. Когда я встретил в молодости свою Барбару, то сделался сумасбродом, кутилой и парвеню, и это принесло победу. Это была настоящая любовь. Но потом все вошло в другие берега и ограды.

— Стив, мне всегда казалось, что по любви всегда женятся слабые люди.

— Согласен. Но, не испытав к будущей жене этого чувства, трудно удержаться в течение большой жизни в рамках одного брака. Наступает момент, когда тебе все надоедает. И вот тогда ты влюбляешься как мальчишка и готов

на все. Простите меня, доктор, за откровенность, но ваше появление в моей жизни именно такой случай.

Возникла неловкая пауза, она на секунду взглянула в его глаза, словно проверяя подлинность сказанного. Рейсу показалось, что наступил тот момент, когда можно ненавязчиво показать подарок и признаться, что это подношение всего лишь дань глубокой благодарности доктору за то, что он снова здоров и даже влюблен. Он достал коробочку, открыл на глазах удивленной Чердак и, полюбовавшись золотым колечком, положил подарок перед смущенной Чердак.

— Это мне? — строго спросила она.

— Да, это вам, моя спасительница.

Чердак осторожно взяла подарок, положила на ладонь и, как заправский ювелир, стала рассматривать его.

Тут расслабившийся и счастливый Рейс сделал непростительную ошибку:

— Размер восемнадцать с половиной, и золото наше, не китайское, — гордо изрек опьяневший Рейс. Последней фразы было достаточно, чтобы Чердак вспомнила свою переписку с мужем, где она упоминала о покупке перстня и тайную запись беседы Рейса со своим помощником. Она задержала еще несколько секунд миниатюрную коробочку на своей ладони, собираясь с возмущением вернуть этот подарок. Но в эту минуту в дверях ресторана увидела Маркова, Вайса и незнакомого пожилого мужчину в очках. Глаза ее засияли, она в секунду преобразилась, небрежно бросила коробку с кольцом перед Рейсом и стремительно пошла навстречу Маркову. Порыв был таким сильным и дерзким, что Рейс пришел в бешенство. Чердак так обрадовалась появлению Маркова, что не выдержала и бросилась в объятия смущенного любимого пациента и только потом сдержала себя, чтобы поприветствовать Вайса, и познакомилась с академиком Борековым. Оказывается, Вайсом был заказан столик в этом ресторане, и она не раздумывая приняла предложение разделить с ними трапезу.

Видя такое коварство и пренебрежение, Рейс, посидев несколько минут, пошел к бару. Уже давно он не испытывал такого унижения от женщины. Привыкнув за последние годы иметь дело с легкомысленными особами или с явными шлюшками, он неожиданно решил, что потерял

форму и попросту стал неинтересен серьезным женщинам. Но вместе с родившейся самокритикой возникла и неприкрытая злоба. Чем дольше Чердак задерживалась за другим столом, тем злее становился генерал. Наконец он не выдержал и попросил у бармена порцию чистого виски и бутылку с собой, расплатившись с официантом, он выпил одним глотком заказанный скотч. Затем, пройдя мимо своего стола, забрал коробочку с кольцом и, не оборачиваясь, вышел из ресторана. На пристани ему неожиданно повезло. Какая-то компания возвращалась на берег и прихватила его с собой во вместительный катер. Рейс мгновенно попал в свою стихию. Одна из пассажирок тут же обняла вконец расстроенного генерала и стала приводить его в чувство, пытаясь вместе с ним запеть. Она пьяно объясняла появившемуся кстати мужчине, что у ее подруги сегодня день рождения и что их веселая компания отпраздновала его в ресторане, но, наверное, в соседнем зале, иначе она бы давно заметила такого представительного мужчину.

Когда Вайс заговорил о предстоящей пресс-конференции академика Бореева, Чердак спохватилась, что бесцеремонно оставила своего кавалера, и, обернувшись в сторону своего стола, не увидела генерала. Извинившись перед новой компанией, она вернулась к своему столу. Здесь официант объяснил ей, что генерал расплатился за заказ и, кажется, уехал на заказанном катере на другой берег. С минуты Чердак постояла у пустого стола, но в следующее мгновение без сожаления развернулась и пошла к тем, кто вызывал у нее гораздо больший интерес.

* * *

Когда через несколько дней после встречи на стадионе «Динамо» Виктория Сергеевна обнаружила в почтовом ящике повестку в прокуратуру, то первое, что вспомнила, это возмущение Нели Семеновны работой следователя. Она посоветовалась еще раз с Нелей и поехала на встречу в соответствующем настроении. Уже поднимаясь по лестнице, Виктория Сергеевна гневным взглядом провожала каждого, кто проходил в синем мундире. Наконец она разыскала нужный кабинет. Комната оказалась

солнечной, и в первый момент она не разглядела сидящего за столом человека. Присмотревшись повнимательней и узнав сына Маркова, она вздрогнула и, опустив голову, застыла, глядя на него исподлобья. На лице её появилось выражение обиды и брезгливости.

— Что это за маскарад, Кирилл? — гневно начала она. — Почему вы мне раньше не сказали, что вы из этого ведомства?

— Не хотел вам портить настроение, Виктория Сергеевна. Тем более что мы в тот день встретились по такому замечательному поводу, как победа вашего сына.

— Так, значит, это вас выписали из провинции, как рассказывает моя подруга Неля?

— Получается, что меня.

— А как же этот Безухов, он где?

— Не Безухов, а Глухов Порфирий Петрович. Он с первого дня непосредственно занимается этим делом.

— Что значит непосредственно? Он будет вами командовать?

— В известной степени, но думаю, это на время.

— Хорошо бы, Кирилл Вадимович. Итак, я готова давать, как это? Показания? Но только договоримся — больше меня не обманывать и общаться без скидок на мое настроение. Мне сейчас не до настроения. Я с собой давно не церемонюсь, правда, и другим спуска не даю.

Виктория Сергеевна выпрямила спину, сложила руки на коленях и, слегка повернув голову влево, внимательно уставилась на Кирилла.

— Виктория Сергеевна, для того, чтобы отыскать вашего мужа, мне, прежде всего, нужна ваша помощь. Если вы мне будете доверять и помогать, я расшибусь, но найду его.

— Хорошо, я готова с вами сотрудничать. Что вы хотите узнать, Кирилл?

— Все! Но прежде всего, чтобы понять, кому исчезновение Алексея Петровича было выгодно, я должен разобраться, в чем состоял его дар? На Дальнем Востоке я встречался с разного рода ясновидящими и народными целителями. За редким исключением, это были не шарлатаны, а достойные люди, наделенные особыми способностями.

— Во-первых, я должна вам сказать, что любой человек хоть в малой степени обладает этими способностями. Вы ловили себя на том, что ког-

да думаете о чем-то упорно и страстно, то это передается другому человеку?

— Да, это бывало у меня с близкими людьми.

— вспомните, был ли в этот момент у вас душевный подъем, какая-то неведомая энергия?

— Не помню. Кажется, было. С моей покойной женой мы нередко ловили себя на том, что думаем об одном и том же.

— Вы потеряли жену?

— Да. И жену, и дочь. Они погибли вместе.

— Сочувствую, Кирилл Вадимович. Вот почему у вас такое выражение лица.

— А у меня оно еще есть?

— Конечно. Я практически знала, что вы перенесли какое-то горе. Вы ведь очень открытый человек. Хотя ваша профессия ощутимо наложила на вас отпечаток обреченности.

— В каком смысле?

— Вы верующий?

— Иногда да. Но чаще я умозрительно об этом думаю.

— Алексей Петрович Самарин, не хочу говорить был. Алексей Петрович страстно верующий человек. У него это, как у Эйнштейна, обосновано еще и научно.

— Эйнштейн был религиозным человеком? Этого я не знал, — с горечью признался Кирилл.

— Нет, на основе своего научного опыта Эйнштейн не отрицал наличие такой энергии, которую можно было определить как божественную. Вам это понятно?

— Кажется, да, — иронично ответил Кирилл.

— Не обижайтесь, Кирилл Вадимович. Просто истоком понимания феномена Алексея Петровича является его страстная вера в Бога. Недаром он дружил с Владыкой Сергием и в тяжелые минуты ездил к нему в церковь. Что такое пророчество? От Пифии до Ванги, это определялось как Божье слово, изреченное Господом через Его избранный сосуд (Божьего человека) с целью научить, обличить и исправить или утешить человека или группу людей. В Библии об этом сказано: «Кто пророчествует, тот назидает церковь». А представьте себе, если такой человек еще и профессионально занимается политикой. Кого он назидает? Тех, кто привыкли сами назидать. Такой человек для них невероятно опасен. Естественно, что он понимает больше, чем другие, но самое

главное, он предвидит гораздо точнее и определеннее будущее. Ибо сам Бог по Своей воле призывает человека к этому служению, не считаясь со званием, состоянием и происхождением человека. Как вы думаете, какова судьба такого человека? Как на него будут смотреть те, которые терпеть не могут ни близких, ни дальних, ни каких-либо прозрений?

— Я понимаю, такие люди очень опасны.

— Главное, что их жизнь всегда в опасности. Подобные люди уже были в истории. Жизнь свою они чаще всего заканчивали трагически. Это факт, который больше всего меня терзает. Абсолютно неизвестный по нашему невежеству в России каширский Нострадамус Василий Васильев, в монашестве — Адам-Авель, или в Америке — Кейси.

— А можно ли к этим феноменам причислить серба Тарабича?

— Конечно, можно. Значит, вы не такой уж дилетант в этом вопросе? Нет-нет, продолжайте. В чем, если так можно выразиться, диалектический феномен такого прозрения?

— Конечно, прежде всего в вере. Здесь самые необозримые возможности для любого человека. Только не в той вере, которую мы видим по ящику, когда наши власть предержащие сучат ручками, да еще и не в ту сторону. А в вере настоящей, глубинной, данной нам Господом нашим Иисусом Христом.

Чем сильнее Виктория Сергеевна увлекалась рассказом, тем больше хорошела и становилась неотразимой. Кирилл мысленно даже сравнил её с боярыней Морозовой, но не той старухой, которую изобразил Суриков, а подлинной, молодой, красивой, не уступившей ни пяди своей веры.

— Однако диалектика — это наука о наиболее общих законах развития природы. Здесь же тонкий мир, лежащий глубже и скрытее, плохо изученный, особенно у нас, прошедших материалистическую ересь.

— Что же лежит в основе этого дара?

— Как что, ясновидение.

— Но это как-то научно можно объяснить? Я же не Эйнштейн, я — следователь, который нуждается в помощи, в знаниях, в вашей поддержке и опыте.

— В основе лежит модель энергоинформаци-

онного обмена. Ближе всего, по мнению Алексея Петровича, гипотеза российского исследователя Анатолия Охатрина. Этот ученый доказал — существует скопление сверхлегких элементарных частиц — микролептонов, которые можно обнаружить приборами. Вот этот самый лептонный газ содержит всю информацию об окружающем мире, и сверхчувствительный человек может получать сведения обо всем, что происходит в любой точке Вселенной.

— А откуда, с вашей точки зрения, у Алексея Петровича эта чувствительность?

— Впервые я это почувствовала, когда он, подружившись с моим первым мужем, внезапно начал предсказывать, как закончится поединок. Мы тогда жили в Америке. Он от какого-то неформального общества получил грант и занимался психологией и экономикой. А мой муж без поражений шел к званию чемпиона мира. Русские там, по негласной договоренности, стараются держаться сообща. А боксер Козловский был любимцем всех, кто не хотел терять надежду. Чем больше он болел за Козловского, тем точнее были его предсказания. В последний год он даже знал, в каком раунде Козловский закончит поединок. Позже, когда Алексей Петрович почувствовал, что моему мужу осталось жить совсем недолго, он осторожно сказал об этом мне. Я не поверила. Когда это случилось, я была потрясена. Алексей Петрович в детстве получил тяжелейшую травму головы. Он рассказывал, что в соседнем дворе, где жила девочка, в которую он был влюблен, рос огромный неохватный дуб. Сучья начинались на высоте двенадцати метров. На глазах этой девчонки он добрался до первых веток, но силы его оставили и он повис. Когда силы стали истекать, он начал просить о помощи. Соседские ребята побежали за лестницей, но не успели. Мальчик упал, и на затылке появился на всю жизнь небольшой бугор, который нередко невыносимо болел, особенно когда менялась погода. Представьте себе мальчика, который на глазах любимой чувствует возможность катастрофы и даже смерти, какие чувства у него рождаются в этот момент? И вдруг падение, после которого этот внутренний «атомный разряд» навсегда остается в подкорке. С тех пор, по его словам, у не-

го появилась способность предчувствия. В начале неосознанные, а потом обоснованные.

— Эти предчувствия хоть как-то логически объяснимы? — перебил Кирилл.

— Это не что иное, как способность к проскопии — получению информации о будущих событиях. Позже профессор Борис Исааков нашел научное объяснение этому феномену. Он вывел из так называемого уравнения Кармы возможность существования неких антисигналов, текущих по реке времени в прошлое через настоящее из будущего.

— Можно ли считать, что в момент, когда он повис над пропастью и вследствие падения и ушиба родился другой человек?

— Нет, появилась иная энергетика, которая стала жить помимо воли самого человека. Он иногда называл это «спрятанной внутри электростанцией».

— Как эти способности стали позже помогать в политике?

— Вначале было разочарование в Америке. Потом желание поскорее вернуться на Родину. То же самое происходило и со мной. После гибели Алексея Козловского, ровно через год, Алексей Петрович предложил мне выйти за него замуж. Я уже привыкла к нему за пять лет общения, поэтому, не раздумывая, согласилась. Многое определил Игорек. Он принял Алексея Петровича, и они подружились.

— А в чем было разочарование: в системе власти, в отношении этой страны к России или к нему лично?

— Это было разочарование в Западе как таковом. Мы не можем жить на Западе по нескольким важным причинам.

— Вы говорите о собственном опыте или с точки зрения неких обобщений? — уточнил Кирилл. — Неужели бокс не давал вашему мужу известное благополучие?

— Давал, но мы были все-таки исключением. К тому же всегда жили на чемоданах от матча до матча. Большинство людей не могут жить на Западе, как в свое время не могли жить по их матрице колониальные народы, ведомые капиталистическими «сказочниками». И самое главное: мы не способны жить, как на Западе, потому что «у нас нет тех условий нетрудового существования», какие есть там. Пос-

мотрите, Кирилл, ведь на этих троглодитов работают две трети человечества.

— Вы ведь экономист по образованию, Виктория Сергеевна?

— Откуда вы знаете? — неожиданно подозрительно спросила она.

— Я знакомился с записями Глухова. Там об этом сказано.

— Я аспирантка и работаю старшим педагогом экономического факультета в университете управления экономикой. Работа у меня интересная...

— Кстати, где находится ваш университет?

— Напротив метро «Выхино».

Кирилл записал адрес и приготовился слушать дальше, но Виктория Сергеевна почему-то замолчала и каким-то отрешенным взглядом смотрела на Кирилла. На глазах появились слезы. Она достала из сумки платок и стала вытирать лицо, глаза и губы. Только сейчас он почувствовал, сколько усилий ей понадобилось, чтобы разговаривать с ним, вспоминая прожитое.

— Простите, я вас перебил, — как можно спокойнее сказал он. — Итак, у вас интересная работа... Почему вы вспомнили о ней?

— У нас прекрасная библиотека. Я вдруг вспомнила, сколько пришлось помогать мужу. Господи, неужели все это было напрасно? — Она судорожно вздохнула и с усилием взяла себя в руки. — Для последней книги я собрала уникальный материал. Много там и о западной экономике. Если говорить обще, то причиной расцвета ее является «неэквивалентный обмен товаров, финансовая эксплуатация незападных стран — вот основа благополучия западного потребителя». А попробуй заставь кого-нибудь работать на нас! Не получится. Да что там говорить, когда каждый просочившийся к нам «азик» норовит проехать за счет русского где ни попадя: на базаре, в сервисном обслуживании или в захвате жилья. Русским некого финансово эксплуатировать, эксплуатируют нас. Наши фарисеи-реформаторы мистифицировали реальную структуру западного общества и реальную политику западных стран на мировой арене. Даже последние триумфальные и самые дорогие в истории Америки выборы Обамы — «это торговый аукцион, на котором проголосовали деньги, а не избиратели».

— И что же увидел политолог Самарин, вернувшись в Россию?

— Скрытую катастрофу. В середине 90-х он еще надеялся, что бывшая номенклатура и теневики станут делиться и строить свое государство. Но наши троглодиты пошли по пути растления государства. Поязвали всех взятками, соорганизовали невиданное по пошлости телевидение. Появились Куршавель, секс-рабство, педофилия. В результате создана система, при которой происходит более 30 тысяч убийств в год, еще 20 тысяч человек пропадают без вести. В последнее число попал теперь и Алексей Петрович.

— В книге Алексея Петровича эти мысли есть?

— Нет, книга совсем о другом.

— Тогда о чем же она?

— О том, что нас ждет и как это будет происходить?

— Что именно будет происходить? Разделение или крушение нашего государства? Что видел Алексей Петрович в дальнейшем?

Виктория Сергеевна внимательно посмотрела на Кирилла и вдруг, улыбнувшись, повторила давешнее шутливое прозвище.

— И все-таки вы большой «почемучка». Вот найдите его, и пусть он сам вам все объяснит. Сегодня я и так с вами наговорила больше, чем нужно. Работайте своим инструментом. Вы же неглупый человек, дорогой Кирилл Вадимович. Или я ошибаюсь?

— Хорошо, последний вопрос: с кем, кроме Нели Семеновны, последние дни встречался Алексей Петрович?

— Кроме вашего отца, Нели и меня с сыном, последние дни он не встречался ни с кем. Он сидел над рукописью и до последнего продолжал её редактировать. У него была договоренность с вашим отцом в последний момент вставить все добавления.

— А разве с Крейчем он не виделся? — спросил Кирилл.

— Нет, они дважды больше часа говорили по телефону. Стоп! Вспомнила, он встречался с художником Святославом Гуляевым, — радостно воскликнула Виктория Сергеевна.

— И что это была за встреча? — оживился Кирилл.

— Святослав — сын друга Алексея Петрови-

ча. Очень хороший художник-портретист. Человек глубоко верующий и очень талантливый. Ведь Алексей Петрович тоже иногда рисовал, но занимался графикой. Это были наброски на скорую руку. Святослав писал его портрет. Я не знаю, в каком состоянии эта работа, но в последние дни Алексей Петрович дважды ездил к «Кавалеру».

— Почему к «Кавалеру»?

— Святослав — кавалер ордена Петра. Вот Алексей Петрович в шутку его и называл «Кавалером».

— Вы дадите адрес его мастерской? Мне было бы чрезвычайно важно с ним познакомиться. Возможно, это поможет нам в нашем расследовании.

— Я тоже рада, что вспомнила о Гуляеве. Они были хоть и разного возраста, но очень близки по душевному складу. Адрес я вам дам. У нас дома есть визитка Гуляева. Звоните мне. Вот мой телефон.

Виктория Сергеевна достала визитку и протянула ее Кириллу.

— В Москве часто говорят слово «комфортно», — заметил Кирилл, принимая визитку, — по причине отсутствия такого у меня визиток нет. Поэтому не обессудьте — пишу телефон на клочке: и мобильный, и домашний. Я устроился у отца, — с этими словами он передал розовый листок с телефонами.

— Ну что ж, хорошо. Звоните. Держите меня в курсе всего происходящего, желаю вам успеха, Кирилл Вадимович.

— У меня к вам личная просьба, Виктория Сергеевна, мне надо повторно провести разговор с Нелей Семеновной. Ведь она последняя видела Алексея Петровича перед исчезновением, знает его книгу. Однако, судя по ее реакции на первую встречу, она очень разочарована в нашем ведомстве. Не могли бы вы для пользы дела позвонить ей и сказать, что мы совсем не такие монстры, какими она нас представляет.

— Вы медиум, Кирилл Вадимович, именно это я и хотела сделать.

— Спасибо. И последнее: я могу рассчитывать еще на встречу с вами? — сдержанно попросил Кирилл.

— Конечно. Только давайте уж не здесь. Приезжайте к нам на Ленинградский прос-

пект. Если это, конечно, удобно по вашей должности и службе. Впрочем, я не подсудимая, поэтому рассчитываю, что нас не обвинят в сговоре или в укрытии улик.

— Думаю, что нет, — с улыбкой ответил Кирилл и пожал протянутую руку.

Оставшись один, он долго сидел, задумавшись. Потом открыл окно и стал пристально смотреть на суматошную улицу, по которой по какой-то своей логике двигались автомобили, троллейбусы и пешеходы. Сверху вся эта суета казалась бессмысленной, но по спорадическим рывкам автомобилей было понятно, что всем распоряжается здесь ее величество пробка. Только когда Виктория Сергеевна ушла, он, наконец, почувствовал, какие прекрасные духи у этой женщины. Подводя итоги встречи с ней, Кирилл понимал, что теперь при всех плюсах, связанных с пониманием характера и деятельности Самарина, ответов на вопрос, где сейчас находится политолог, как не было, так и нет. Он открыл переданную Глуховым папку с отчетом допроса Нели Семеновны и выписал ее телефоны. «Надо сегодня же встретиться с ней, — решил он, — она единственная хорошо знает книгу и последней видела Самарина». Он посмотрел адрес и удивился. Неля Семеновна Гурскова жила практически по соседству с новой квартирой отца. Через час ему позвонила Виктория Сергеевна и рассказала, что соответствующие инструкции она Неле Семеновне дала.

— Звоните, встречайтесь, она готова с вами общаться, — с гордостью сообщила Виктория Сергеевна.

* * *

К концу рабочего дня Кирилл позвонил Неле Семеновне и, объяснив, что живет по соседству, предложил встретиться попозже, в неформальной обстановке. Неля Семеновна не возражала, но постеснялась спросить, какая все-таки будет обстановка и к чему готовиться. Впрочем, узнав от своей Виктоши, что следователь — сын её шефа, она постаралась забыть о прежних неприятностях.

Уже третий день Валентина старательно откашливала и обхаживала Кирилла. Отношения

их, как и в былое время, быстро наладились, и они чувствовали себя так, словно и не расставались. В этот вечер снова был чудесный ужин, и они, пропустив по стаканчику красного вина, делились впечатлениями после недавнего звонка Маркова. Агриппина смотрела мультики в соседней комнате, и слышно было, как она заливается от счастливого хохота.

— Слава богу, что после пресс-конференции Бореева папа ложится на обследование. Врач его очень ругала за безответственность. И правильно: он от этой работы весь измотался. А тут еще и неприятности с Самариним.

— Он сказал, когда пресс-конференция?

— Я поняла, что послезавтра. Этого Бореева обследуют тоже. Так что совместят полезное с приятным.

— Что ты называешь полезным и что приятным? — смакуя по глоточку вино, спросил Кирилл.

— Полезным я считаю любое обследование. Если хочешь знать, я с громадным удовольствием уложила бы тебя к своим девочкам в клинику и неделю гоняла бы по всем кабинетам. Ты бы удивился, сколько у тебя хвори скопилось.

— А как же я до сих пор двигаюсь и живу? — засмеялся Кирилл.

— Держись ты на честном слове. Хорошая наследственность и характер. Надо проверить поджелудочную, кстати, и печень тоже. Вон у тебя круги под глазами. Что это за работа такая, что даже на ночь глядя ты собираешься кого-то допрашивать?

— Это нетрадиционный метод общения со свидетелями. Следователь выезжает на место преступления и там, в атмосфере совершенного преступления, добывается признания.

— Может, это и полезно, но Гурскова здесь при чем?

— Гурскова может быть ни при чем, но мне надо все посмотреть своими глазами. Время идет, а у меня ни одной зацепки нет. Самарин исчез сразу после выхода из дома Гурсковой. Стало быть, на отрезке от улицы Аллея Жемчужовой до метро «Выхино».

— А если он взял такси или кого-нибудь из частников?

— Нет, Валя, Гурскова его упрашивала взять

такси, но он сказал, что пойдет пешком. Кстати, он мог идти до метро через Кусковский парк?

— Вряд ли, это большой крюк. Здесь через пруды почти напрямую к кинотеатру «Энтузиаст», а там рукой подать до метро.

— Сколько времени до метро от Гурсковой?

— Слушай, ты и дома не хочешь отдохнуть от этого дела? Посмотри, на кого ты похож! Где это видано, чтобы молодой мужчина съел полкотлеты, две ложки салата, томатный сок и два мандарина.

— Валентина, ты могла бы быть неплохим следователем, у тебя превосходная наблюдательность.

— Кирюша, но нельзя же так! Пожалей себя.

— Не получится, Валя. Очень опасное дело. Мне секунды нельзя терять. В любую минуту может случиться что-то такое, что непоправимо скажется на всех.

— А ты не преувеличиваешь?

— Нет, скорее недооцениваю.

— И чем ты это обосновываешь?

— Чем, чем? Пока интуицией. Но ведь интуиция тоже чего-то стоит.

— Интуиция — непосредственное постижение истины без логического обоснования, — четко сформулировала Валентина.

Кирилл развел руками и глубоко поклонился, выказывая жестом восхищение. Взглянув на часы, он стал собираться.

— Ну вот, и время подошло. Мне пора, — направляясь в прихожую, сообщил он.

— А может, ты с собой возьмешь Сира?

В коридоре, услышав свое имя, громадный мастиф мгновенно влетел в гостиную. Пес победоносно потряс головой и влюбленными глазами уставился на Кирилла.

— Боюсь, что Гурскова испугается. Посмотри на него, не пес, а собака баскервиль.

— Ты говорил о неформальной обстановке. Вот и погуляйте по парку, заодно и выгуляешь собаку. Собака она...

— Собака — друг человека, Валя. Но нельзя! Она будет отвлекать.

— Да с чего ты взял! Сир будет его отвлекать! Пес лучше любого бодигарда. Он будет носиться невдалеке. Вы его и не почувствуете.

— Хорошо, давай ошейник. Пусть будет потвоему. Пошли, Сир.

Собака завилыла хвостом и начала, как плетью, лупить шкаф, тумбочку в прихожей и кожаное пальто, оставленное Марковым на вешалке.

* * *

Спустившись с шестого этажа лифтом, Кирилл свернул за угол дома и двинулся в сторону прудов, чтобы сначала выгулять собаку. Народу к вечеру здесь практически не было. Пес быстро сделал свои дела и готов был с радостью поиграть. Стертый клыками мячик всегда был его особым развлечением. Кирилл стал бросать тугой комок в сторону пруда, и пес каждый раз безошибочно находил свою игрушку и приносил ее к ногам.

— Браво, ваше величество, — нахваливал пса Кирилл и бросал мячик еще дальше. Наконец пес устал, и Кирилл долго трепал его, приговаривая:

— Какой же ты красавец, Сир.

Пес действительно был великим чемпионом. Вслед за своим дедом Хасаном Сир сумел повторить рекорд и стал дважды чемпионом мира по красоте. Именно поэтому на стене гостиной на видном месте висел его чемпионский ошейник с золотыми медалями за экстерьер и общий курс дрессировки. Наконец Кирилл защелкнул карабин на ошейнике и с командой — «рядом» двинулся в сторону аллеи Жемчужовой. Неподалеку от дома он позвонил Неле Семеновне и сказал, что ждет ее у подъезда.

— А нас не украдут? — неожиданно спросила она.

— У нас с вами есть замечательная охрана. Так что не беспокойтесь. Разве ж накиньте что-нибудь потеплее. Здесь у вас открытое пространство и немножко дует.

— Хорошо, я сейчас спущусь.

Минут через пять появилась невысокая, очаровательная женщина неопределенного возраста. Из-под очков на Кирилла осторожно поглядывали полные любопытства и доброты глаза. Она бесстрашно погладила почему-то присмирившего пса и поверх очков принялась изучать Кирилла.

— Вот, значит, какой сын у нашего Вадима

Борисовича! — высоким переливчатым голосом заговорила она. — Ну что ж, давайте знакомиться: Гурскова Неля Семеновна, редактор книги Алексея Петровича Самарина. Если спросите меня, понимаю ли я, что происходит, то я отвечу, что не только не понимаю, но и уверена, что никто не понимает. Где-то здесь, — она указала в сторону блестящей под неоновыми лампами зеркальной глади прудов — исчез выдающийся человек, прекрасный экономист и ученый, и вот уже скоро неделя, как нет ни ответа, где он, ни следов, где его искать. Невольно будешь даже с такой охраной чувствовать себя незащищенной, — блеснула она очками в сторону Кирилла.

Они пошли по тротуару, рядом с дорогой, где изредка проезжали на большой скорости машины.

— Скажите, Неля Семеновна, Алексей Петрович уходил от вас примерно в это время? — спросил Кирилл, оглядевшись вокруг.

— Нет, гораздо позже. Было уже около одиннадцати, а сейчас и девяти нет, — посмотрела она на часы, предварительно сдвинув ко лбу очки.

— У нас в отчете записано, что вы его проводили, это так?

— Да, я его проводила до лифта и предложила вызвать такси, но он сослался на Амосова, который чего только ни советовал в жизни, и решил идти пешком.

— До этого он хоть раз ходил от вас пешком?

— Нет, каждый раз его подвозили на машине, и если он задерживался, мы вызывали такси.

— Как от вас можно пройти до метро?

— Вот так — вдоль аллеи или через пруды. Правда, вечером там опасно. Иногда собираются компании и шумят. Сегодня, кажется, тихо. Убедена, что он пошел этой дорогой. Здесь посветлее, и можно при желании сесть на троллейбус. Отсюда три-четыре остановки. Смотри где сесть. Я сажусь у больницы, стало быть, четыре остановки.

— Давайте попробуем пойти той дорогой, — предложил Кирилл.

Они вернулись назад и пошли по дороге, указанной Нелей Семеновной.

Кирилл на какой-то момент затих и стал пристально осматривать окна ближайших домов. Было ясно, что Самарина могли видеть

жители только двух домов. Дальше было открытое пространство. Там политолог уже был вне зоны видимости.

«Тем не менее придется под любым предлогом опросить жителей этих домов, — подумал он, представляя сложность подобного мероприятия. — Что ж, подключим милицию и будем квартиру за квартирой опрашивать. Вдруг кто-нибудь видел политолога».

— Неля Семеновна, у нас сегодня была очень полезная встреча с Викторией Сергеевной.

— Знаю. Она мне звонила, — охотно ответила она.

— Вспоминали вас.

— И как вспоминали? — снизу вверх посмотрела она на Кирилла.

— Разумеется, хорошо. Вы ведь, кажется, давно знакомы? — как бы между прочим спросил Кирилл.

Неля Семеновна почувствовала, что допрос начался, но сделала вид, что этого не замечает.

— С тех пор, как Виктория Сергеевна стала работать в университете. Мы познакомились в метро. У меня есть подопечная. Бывшая журналистка. Ей восемьдесят пять лет. Живет она одна. Валерия Петровна в молодости мне очень помогла, теперь моя очередь ей помогать. Дважды меня Вика засекала с тяжелыми сумками. Потом как-то разговорились по дороге. В тот день она помогла на Таганке вынести продукты наружу. Она ведь доброты необыкновенной. Так-то это не видно. Кажется, чопорна, строга, но в душе море тепла и порядочности. Она ведь из дворян. Прадед ее преподавал в Санкт-Петербургском университете на философском факультете. Одно время работал вместе с Иваном Ильичем. А потом, когда у нее появилась машина, она после работы стала регулярно подбрасывать меня к дому моей подопечной. Так раз за разом и знакомились. Когда возник вопрос редактирования книги, она обратилась ко мне. А я в свою очередь познакомила Алексея Петровича с вашим батюшкой. Вскоре они договорились об издании книги. Вот вкратце о нашем знакомстве. Впрочем, это я уже рассказывала вашему коллеге Глухову. Сразу хочу вам сказать: ни в каких любовных отношениях я с Алексеем Петровичем не была. Так что разочаруйте тех, кто сочиняет такие глупости.

Кириллу скорее хотелось узнать побольше о книге. Понять, в чем ее актуальность, и, главное, почему на нее открыли такую охоту? Но, помня свою торопливость в общении с Викторией Сергеевной, он решил предоставить инициативу Неле Семеновне.

— Вам интересно было работать с Алексеем Петровичем? — спросил он как можно нейтральнее.

— Еще бы. Алексей Петрович человек особый. Откроет рот, начнет говорить, и у вас все отвисает. В смысле челюсти. Все, о чем он говорит, кажется знакомо, а вот чтобы так ясно сформулировать — не у каждого получается.

— Он был привязан к этой, новой, стране?

— Вы намекаете, не мог ли он куда-нибудь тайно уехать? Мы тут его ищем, а он где-нибудь на Гавайях, так, что ли?

Кирилл хотел что-то ответить, но его собеседница уже полетела дальше.

— Нет, он был русским человеком. Любил эту страну. И очень жалел о той, которую мы потеряли. Об этой стране он говорил чаще критически. Считал нашу федерацию пока еще «недогосударством». Кстати, вы меня не арестуете за что-нибудь? — решительно спросила она.

— Да что вы? Вы мне нужны на свободе. Кто, кроме вас, нам поможет?

— Так и быть, я вам поверю. А если уж арестуете, то хоть на прощание скажу то, что думаю. — Она весело засмеялась и чем-то напомнила Кириллу какую-то знаменитую комедийную актрису.

— В последнее время он нередко вспоминал Ельцина. Считал, что он продемонстрировал патологически порочный пример властной психологии. Пока, к сожалению, — говорил он, — ельцинская модель государства стала преемственной. Я не знаю, согласитесь вы, Кирилл Вадимович, или нет. Скорее не согласитесь, но посмотрите, что получилось: еще недавно у наших чиновников-менеджеров было полно денег. Эти деньги не заработаны, они посланы Господом Богом, чтобы помочь государству. Но пришел кризис, стало быть, Божий суд, и все эти олигархи, не пожелавшие услышать Бога, теперь расплачиваются. Алексей Петрович был государственным. «Государство, — говорил он, — это не только институты, суды, поли-

ция и армия. Государство — это особый тип мышления. Это долгие годы самовоспитания».

Они пошли по тротуару в сторону парка. Здесь было потише, почти совсем не было машин. Кирилл отстегнул поводок и пустил Сира побегать. Собака забежала на лужайку и периодически догоняла неторопливо идущих собеседников.

— И о кризисе у него было свое мнение, — продолжила она. — Считал его «обеденным меню» перед новым военным конфликтом. Главные действующие лица ушли в тень, — говорил он, — чтобы на свет ramпы вытолкать для съедения «подопытных кроликов» — производительную экономику и крупнейшую «кладовую» сырьевых ресурсов.

— Это нас, что ли? — уточнил Кирилл.

— И нас тоже. Последние полгода его тревога увеличилась, можно сказать, втрое, — продолжила она. — Он был напряжен, каждую встречу воспринимал как последнюю.

— Что его беспокоило? — наконец задал главный вопрос Кирилл.

— Он ждал какого-то невероятного катаклизма. Кажется, даже знал, где это случится.

— Он боялся за свою жизнь? — спросил Кирилл.

— Нет, за себя он не боялся. А вот за жену и сына боялся. Его мучили предчувствия. В девятой главе его книги эти предчувствия выражены в нескольких сценариях, по которым могут развиваться мировые события. На одной из таблиц был план, сценарий и соответствующая реакция противостоящих сил. Не каждый может раскодировать его прозрения, но поверьте, это так обоснованно, что от его видений становилось не по себе.

В этот момент сзади Кирилла и Нели Семеновны возник какой-то бегущий человек в спортивном костюме и зеленых аквалангских очках. Оба спутника обернулись, потому что собака стала лаять на этого человека и бросилась наперерез бегущему. Тогда спортсмен побежал быстрее и стал приближаться к Кириллу, который шел с края тротуара. Неля Семеновна закричала: «У него нож!» Но тут изо всех сил Сир сделал невероятный скачок к руке нападавшего и сбил того с маршрута. Преступник, никак не готовый к такому повороту, отскочил в сторону и, отмахиваясь от свирепого пса ножом, побе-

жал к стоявшей на дороге машине. Но разъяренный пес не отставал и продолжал преследовать его. У самой машины собака все-таки успела вцепиться в штанину, а затем мгновенно перехватила ногу преступника. Раздался дикий вопль, сопровождаемый матом. Незнакомец, плюхнувшись на край заднего сиденья, старался из последних сил освободить ногу. Кириллу показалось, что еще секунда, и пес вытащит преступника на тротуар. Кирилл бросился на выручку, но в этот момент приоткрылась передняя дверь и появилась рука с пистолетом. Пес словно только и ждал эту черную игрушку и сразу ринулся к передней двери. Несколько сантиметров не хватило, чтобы клыки сомкнулись на руке с пистолетом. Но тут раздался громкий хлопок и следом, разрывая тишину, пронзительный собачий визг, переходящий в судорожный негромкий лай. Машина набрала скорость и помчалась вдоль черных теней от деревьев. Пес повертелся на тротуаре, судорожно перевернулся, вздрогнул и, растянувшись, затих. Все произошло так мгновенно и неожиданно, что страх появился только после того, как на глазах Кирилла и Нели Семеновны в судорогах и конвульсиях начала умирать собака.

— Она, она, — лепетала Неля Семеновна, показывая на Сиру, — собака спасла вам жизнь. У этого человека в руках был нож, — говорила она срывающимся голосом. Она показала, как бандит держал нож, и в ужасе закрыла лицо руками. Кирилл в это время носовым платком пытался остановить кровь, которая фонтаном вытекала из раны. Рана была сквозная. Видно было, что задета грудная полость и собаке осталось жить считанные минуты.

— Звоните в милицию, — глухим голосом приказал Кирилл и протянул женщине мобильный. Плачущим голосом она стала с кем-то говорить. Вначале это было 02, а потом ее соединили с Вешняковским РУВД. Неля Семеновна никак не могла успокоиться и путано объясняла кому-то, что случилось, где они находятся и что рядом умирает собака. Потом заговорила о машине, из которой стреляли...

Кирилл не выдержал, попросил телефон и коротко сообщил:

— Говорит старший следователь Главного следственного управления Марков Кирилл Ва-

димович. Только что на меня было совершено нападение с целью убийства. Спасла собака. Она смертельно ранена из пистолета скрывшихся преступников. Срочно прошу выехать дежурный наряд на место преступления. Где мы находимся? — Кирилл посмотрел на перепуганную Нелю Семеновну и продолжил:

— Мы находимся в пятидесяти метрах от автобусной остановки, в начале Кусковского парка.

Затем он позвонил Валентине и, рассказав о случившемся, попросил срочно с медикаментами бежать к раненой собаке. Валентина несколько раз пыталась выяснить подробности. Но Кирилл повторял одно и то же:

— Валя, немедленно сюда. Мы на автобусной остановке, рядом с Кусковским парком. Это в начале. Быстрее, Сир может умереть в любую секунду. Повторяю, собака смертельно ранена из пистолета. Это остановка у входа в музей.

Наконец он отключил мобильный и, нагнувшись к собаке, попытался нащупать пульс. Первыми приехали три милиционера из ближайшего РУВД «Вешняки». Проверив документы Кирилла, они стали покладистыми, начали составлять протокол и допрашивать в машине Нелю Семеновну. Только когда прибежала запыхавшаяся Валентина, вернулась хоть какая-то надежда. Она вытащила из кожаного саквояжа шприцы, бинты, кучу тампонов и, сделав укол и перевязку, стала что-то нашептывать собаке, словно уговаривая ее не сдаваться, терпеть и бороться за жизнь. Позже всех появилась «скорая помощь». Увидев, что пациентом является грязная и окровавленная собака, медики рассердились. Но налетевшая на них Валентина быстро навела порядок и приказала везти Сиру в Вешняковскую больницу. Сунув на ходу ключи от квартиры Кириллу, она успела крикнуть что-то о дочке и тотчас вместе с собакой умчалась в машину в сторону больницы. Когда протокол был составлен, Кирилл уговорил милицию отвезти Нелю Семеновну до дома. Он проследил, пока женщина вошла в подъезд, и только потом назвал свой адрес. Через десять минут ему открыла дверь смертельно перепуганная Агриппина. Он схватил сестренку на руки и, не отпуская, сел в кресло. Сколько просидел в полузабытье в одной позе, он так и не понял. Пришел в себя, только когда раз-

дался телефонный звонок. Это была Валентина. Уставшим, но счастливым голосом она сообщила, что Сир будет жить. Агриппина, услышав, что собака жива, от радости заревела.

* * *

Бореев все утро был в хорошем настроении. Гостиница в городе Прине была хоть и небольшая, но опрятная и уютная. Из окон был виден чудесный пейзаж. Вдалеке переливалось похожее на бриллиант озеро, где изредка появлялись лодки с шумными и веселыми компаниями. Но главное, всюду была необыкновенная чистота, что Борееву особенно нравилось. Позвонив жене, он обрадовал ее сообщением, что ляжет к Вайсу «подремонтироваться» и что не придется тащиться на пресс-конференцию в Мюнхен — город, который он не любил издавна. В Прине был прекрасный пресс-центр. Бореев с Марковым уговорили российского посла в Германии, что из Прина вполне внятно можно сказать то же самое, что и из Мюнхена, была бы пресс-конференция хорошо организована. Она тщательно готовилась.

Правда, в берлинской прессе в связи с готовящейся пресс-конференцией появилось несколько выпадов против Бореева. Но он решил, что всякие попытки его запугать говорят лишь о том, что его боятся.

Он заранее подготовил тезисы своего выступления и решил после завтрака еще раз мысленно пройти по всем заготовленным пунктам.

Завтрак ему подали прямо в номер, и он с удовольствием подкрепился. Потом в сопровождении лечащего врача гулял около озера, наблюдал за местными рыболовами, вспоминая свою юношескую страсть к этому времяпрепровождению.

Из номера он заказал обед, после которого лег с часок отдохнуть. Послеобеденный сон затянулся, и он проснулся в каком-то раскисшем состоянии. Вначале сильно болела голова, а потом участился пульс и заныло сердце.

Не обращая внимания на появившийся жар и недомогание, Юрий Борисович стал собираться на пресс-конференцию.

Идти до зала, где должно было проходить

это мероприятие, медленным шагом было минут двадцать, но в последний момент он все-таки позвонил Вайсу и, сославшись на недопомогание, попросил машину. В машине ему стало хуже. Однако когда он увидел, какое количество народа собралось перед пресс-центром и в зале, академик ободрился. За кулисами его ждали посол России в Германии, приехавший, как и обещал послу, — Радов, секретарь по культуре посольства России, Марков и соратник Маркова по бизнесу Доррофф. Не было здесь Вайса. Профессор отдавал последние распоряжения техническим работникам, проводившим конференцию, но вместо себя оставил доктора Чердак. Услышав от Вайса, что Бореев внезапно почувствовал себя плохо и что его везут на машине, доктор Чердак пришла в сильное волнение и вскоре куда-то исчезла. Бореев за сценой довольно бодро поздоровался со всеми, стал шутить, но было видно, что ему становится все хуже и хуже. Он тяжело присел. Лицо его от багрового цвета сделалось вдруг бледным, почти серым. Он попросил воды и долго маленькими глотками отпивал из стакана. Тут же все заметили, как дрожат его руки. Посол, обратив внимание на его состояние, обратился к нему с просьбой отложить выступление. Радов поддержал посла и предложил компромиссный вариант:

— Олег Алексеевич прав. Мы сейчас отправим вас в гостиницу, а пресс-конференцию отложим.

— Ни в коем случае! Нельзя этого делать, нельзя... — заволновался Бореев.

Он из последних сил старался внушить Радову, что откладывать пресс-конференцию — значит играть на руку его недругам и еще больше запутать дело.

— Объясните людям, кто такой Самарин, — убеждал академик, — скажите, что меня оклеветали и выставили оговорщиком и лгуном. Здесь находится издатель и главный редактор Марков, посол, вы, наконец.

Радов вопросительно посмотрел на посла, на стоявшего рядом Маркова. Неожиданно Бореев повернулся в сторону Маркова и требовательно сказал:

— Марков, ну вы-то можете провести пресс-конференцию?

— Хорошо, Юрий Борисович. Что мне сказать? Что вы сами намеревались сказать?

Бореев из последних сил собрался и медленно, прерывисто дыша, заговорил:

— Марков... голубчик... Я ни слова плохого... не говорил о Самарине там... на американском телевидении. Поэтому как бы ни старались опорочить... или умолчать... выдающиеся способности Алексея Петровича Самарина, он был... и, уверен, остается одним из лучших... ученых и политологов нашего времени. Ему больше всех... Богом... дано чувство предвидения. Его прозрения — это, может быть, последний шанс остановить мир, скатывающийся к катастрофе. Если все обойдется, я обязательно напишу предисловие для его книги.

Бореев замолчал и тяжело откинулся на спинку кресла. В этот момент в комнату влетела доктор Чердак, за ней два санитара с носилками. В руках у доктора была сумка, похожая на походную аптечку. В одну секунду она достала шприц, сбросила с руки академика пиджак и сделала укол. Кто-то приставил ей стул, на который она села, прикрыв собой Бореева. Видя решительность доктора, все приободрились. Бореев из последних сил жестами стал показывать всем, что надо идти на сцену. В зале действительно стало шумно. Как ни сдержанны немцы, но уже несколько раз приглашенные журналисты, телекомментаторы и высокопоставленные представители разных ведомств начинали аплодировать. Все почему-то уставились на Чердак, словно от нее сейчас зависело, что делать дальше. Она сказала что-то по-немецки. И добавила по-русски: — Мы постараемся!

Санитары стали осторожно укладывать Бореева на носилки. Видно было, что силы покидали старика. Казалось, он совсем теряет сознание. В это время появился Вайс. Бодрым голосом он сообщил, что пресс-конференцию можно начинать. Увидев потерявшего сознание академика, Вайс пришел в полное смятение. Поверх очков он растерянно смотрел то на посла, то на Радова, ища выход из создавшегося положения. В зале уже скандировали, и казалось, что каждую минуту может разразиться скандал. Олег Алексеевич отозвал в сторону Радова, Маркова и Вайса. С опозданием к ним подошел

и секретарь посольства по культуре. Секретарь что-то важное шепнул послу на ухо и виногато посмотрел на Радова и Вайса. Сразу стало понятно, что Олег Алексеевич стараниями секретаря получил информацию, которая ставит его в затруднительное положение, и проще всем склониться к тому, чтобы встречу отменить.

— Какие будут предложения? — спросил посол, главным образом обращаясь к Радову. Опытный Радов все понял и ответил с дипломатическим этикетом:

— Вам решать, Олег Алексеевич. Ситуация неоднозначная. Только посол может в подобном случае принять решение. Без Бореева мы все рискуем оказаться мальчишками для битвы.

Именно в этот момент раздался очередной взрыв шума и беспорядочных аплодисментов.

— Вы слышите, какое негативное настроение в зале? Немцы так себя не ведут. Скорее всего, возможны провокационные выпады. Ведь всем и без того ясно, что мы здесь с Бореевым, чтобы не повторилось нью-йоркское шоу. Но и не объяснить ситуацию мы тоже не можем. Надо сказать о том, что академик Бореев — пожилой человек, что он внезапно почувствовал себя плохо и что специалисты, — Радов кивнул в сторону доктора Вайса, — приняли решение перенести конференцию до его выздоровления.

— Вы предлагаете, чтобы вот это все сказал посол России в Германии? — недовольно проронил Олег Алексеевич.

— Но нельзя же не появиться! — вдруг с отчаянием в голосе встрял Вайс. — Своим отказом провести пресс-конференцию вы поставите организаторов, наш город и нашу медицинскую академию в самое негативное положение. Любое проваленное дело, а такое тем более — для вас эпизод, а для нашей репутации катастрофа.

Радов понял, что, по всей видимости, секретарь посольства оперативно связался с Москвой и получил твердое указание не светиться при такой неясной ситуации. Чтобы не ставить посла, которого лично уговаривал организовать эту пресс-конференцию, в затруднительное положение, он предложил:

— Олег Алексеевич, если вы не против, то Марков, Вайс и я выйдем, коротко объясним сложившуюся ситуацию и перенесем пресс-конференцию на более подходящее время.

На лице посла появилась счастливая улыбка, он утвердительно кивнул головой и добавил негромко:

— Это не малодушие, Лев Георгиевич. Вы же знаете, я согласился поддержать здесь Бореева ради вас. Но при таком настрое зала не исключены провокации. В таком случае ответы посла — это практически точка зрения государства. Однако с Самариним у наших там до сих пор полная неопределенность. Мне посоветовали не рисковать. К тому же есть сведения, что к этому мероприятию приложило руку небезызвестное вам ведомство.

Радов ухмыльнулся, понимающе кивнул, подошел ближе к Вайсу и Маркову и как ни в чем не бывало стал набрасывать сценарий предстоящей встречи:

— Первое, — посмотрев на Маркова, уточнил Радов, — мы здесь, потому что книга Самарина готовилась к печати в нашем издательстве. Дополнение: академик Бореев собирался написать предисловие к этому изданию. Второе: уважаемый господин Вайс, прошу вас как хозяина этого дома представить нас с господином Марковым и сказать, что мы готовы в связи с болезнью академика Бореева выступить и коротко ответить на возникшие в данной ситуации вопросы.

Радов говорил медленно, и по мере понимания расстроенным Вайсом существа замысла он все чаще одобрительно кивал головой. Когда все было оговорено, Вайс под бурные аплодисменты, свист и острые реплики пригласил Радова и Маркова на сцену.

В это время с запасного выхода пресс-центра санитары и сопровождающая их доктор Чердак погрузили носилки с академиком Бореевым в реанимационную машину и медленно поехали в сторону кардиологического центра.

Пресс-центр был так нашпигован трансляционной техникой, что даже в машине было слышно, как Радов, извинившись за отсутствие в связи с болезнью академика Бореева, отвечает на сыплющиеся со всех сторон вопросы. Судя по вопросам, видно было, что кто-то к пресс-конференции основательно готовился. Это стало ясно, когда после вопросов, связанных с книгой Самарина и его исчезновением, стали возникать темы, далекие от предмета встречи. Но Радов и

подключившийся к ответам Марков терпеливо отвечали на все вопросы зала. Только когда был задан совсем уж далекий от темы вопрос — почему сворачиваются рыночные институты в России и растет доля государства в экономике? — Радов предупредил, что это последний вопрос, на который он отвечает, и коротко сказал:

— Большое спасибо за вашу искреннюю заинтересованность в развитии либеральной экономики в нашей стране. Но мы придерживаемся в этом вопросе простой логики, которую в настоящий момент в полной мере используют как наши европейские, так и американские партнеры. Мы надеемся, что после кризиса государство вернет рынку спасенные активы.

Кто-то не удержался и громко крикнул: — А если кризис продлится еще несколько лет?

— Ну, что ж, — закончил Радов, — тогда мы получим совсем другую страну, но и вести переговоры будем совсем с другими партнерами.

* * *

После окончания пресс-конференции посол и Радов перед отъездом в Мюнхен решили поужинать в принском ресторане. Ждали Маркова и Вайса, которые по просьбе доктора Чердак срочно отправились в кардиологический центр. Оба после нервной обстановки в пресс-центре проголодались и заказали разных разносолов. По случаю достойного выхода из трудного положения угощал и больше говорил посол. Олег Алексеевич, видя, как Радов умело справился с ролью ведущего пресс-конференции, был хоть и благодарен ему, но чувствовал себя уязвленным. Радов понимал это и старался перевести разговор на более приятные темы. Вспоминали общее мидовское прошлое, даже учебу в МГИМО. Неожиданно охмелевший Олег Алексеевич предложил тост за Радова.

— Вы знаете, Лев Георгиевич, когда я слушал ваше выступление и остроумные ответы, то понял, что ваш временный отход от дипломатической работы пошел вам на пользу. Видно, что вам некогда лениться в своем ведомстве. Вы сейчас в прекрасной форме. И я убежден, что вы еще к нам вернетесь. Так вот, за ваше

скорейшее возвращение! Поверьте, есть люди, которые до сих пор вас не забывают и любят.

Радову было известно, что заканчивающий свой срок службы в Германии Карпов, по слухам, идет на кадры, но отнесся к этому порыву хоть и с благодарностью, но все-таки скептически. Он прекрасно знал: чего только не обещают друг другу в таких застольных беседах его коллеги по МИДУ. Однако на предложенный тост ответил с признательностью:

— Спасибо, Олег Алексеевич. Я никогда не забываю мою работу в МИДе, и если суждено вернуться, то постараюсь привнести то, чему меня научила эта работа.

— Хотите, я скажу, что вам захотелось бы привнести?

— С удовольствием послушаю, — подхватил Радов.

— Я, конечно, не Нострадамус, Лев Георгиевич, но первое, что нам необходимо, это, как ни странно, — смелость и самостоятельность. Вот сегодня вы говорили, практически не оглядываясь ни на кого, кроме интересов, как говорится, государства Российского, но при этом во всем оставались самим собой. А тут как встаешь за трибуну, то помимо президента или премьера перед твоими глазами еще с пяток ответственных товарищей, ответственных ведомств. Не говоря о десятках предписаний и поправок, которыми надо руководствоваться в том или другом случае. Впрочем, вы и у нас были на особом счету. До сих пор вспоминают вашу позицию во время дефолта. Так вот за вас. За ваше здоровье и, как бы сказал Александр Грин, за новые ясные горизонты.

Они выпили и с удовольствием стали закусывать.

Посол и впрямь начал фантазировать, как в случае его возвращения на кадровую работу перетащить если не замминистром, то хотя бы послом в крупную страну такого человека, как Радов. Подобные прогнозы невольно воскресили в памяти образ Самарина.

— А ведь есть, наверное, предсказатели и такого карьерного роста? — полувопросительно заметил он.

— Конечно, есть, — отозвался Радов. — Сегодня это весьма прибыльный бизнес. В этих случаях нужно время, чтобы проверить добро-

совестность таких доброхотов. А вот в истории такие предсказатели были, в том числе и в России. И, как правило, с тяжелейшей участью, потому что судьбой человека, кроме господ Бога, по христианскому верованию заниматься никому не положено.

— Не положено-то не положено, но у нас каждый второй начальник не то что Нострадамус, а чуть ли не сам Всевышний. Вы говорите, что и в России были серьезные предсказатели?

— Да. В связи с исчезновением Самарина пришлось заняться этим вопросом.

— И кто же у нас оказался из самых авторитетных?

— В монашестве его звали Авель, — начал Радов. — В миру Василий Васильев. В точности до одного дня предсказал смерть Екатерины Великой, которая в гневе его посадила. Узнав через своих людей о таком пророке, Павел I его выпустил, но вскоре тот проговорился о короткой жизни и этого царя. Казалось бы, при Александре I ему жилось неплохо, но позже Николай I, узнав о сроках своей кончины и о каком-то дворянском бунте, вознамерился его посадить окончательно. Но Авель уходит из серпуховского Высотского монастыря в неизвестном направлении.

— И что же дальше? Неужели без вести пропал? — с живейшим интересом спросил посол.

— Нет. Интерес к нему царь проявил, когда начала работать следственная комиссия по делу декабристов. Заметьте любопытный феномен, Олег Алексеевич: интерес к таким людям возникает, как правило, во времена кризиса.

— Так зачем думать во времена гламура и комфорта? — бросил с ухмылкой посол.

Радов в знак согласия кивнул головой и продолжил:

— Вот уж тут нашего героя «замуруют» с формулировкой «для смирения» в Суздальский Спасо-Ефимовский монастырь, главную церковную тюрьму того времени. Туда сажали еще с екатерининских времен всех сумасшедших «до исправления памяти».

— Что-то вроде наших «психушек».

Возникла долгая пауза, и оба одновременно закурили.

— И это все? — почему-то грустно спросил Олег Алексеевич.

— О последних пятнадцати годах этого столетия почти ничего неизвестно. Но что интересно. В Гатчинском дворце все это время будет храниться запечатанный ларец и там будет нечто, что было положено еще вдовой убитого Павла I императрицей Марией Федоровной. И вот, Олег Алексеевич, начинается самое главное. Царица Мария завещала открыть ларец императору, который будет править Россией через сто лет после гибели ее мужа. В марте 1901 года молодые царственные супруги Николай II и Александра, знавшие об их семейном предании, готовились к поездке за ларцом как к увеселительной прогулке, но вернулись, по воспоминаниям камер-фрау, «крайне задумчивые и печальные». Эта камер-фрау добавляет, что «после слышала, что государь упоминал о 1918 годе как роковом для него и для династии». Видите, наш Авель даже из могилы предупредил, что будет с нашей Россией.

— А что стало с самим предсказателем? — спросил посол.

— Авель прожил, как он себе и предсказал, до 84 лет и оставил 67 страниц своих предсказаний. Все это хранилось в архивах КГБ, а сейчас в сейфах у Виктора Сергеевича Смирнова.

— Это что за птица?

— Генерал ФСБ.

— Это тот, кто спас Горьковскую электростанцию от террористов?

— Он самый.

— Послушайте, Лев Георгиевич, как только ваш Смирнов найдет этого Самарина, прошу вас, дайте мне знать. Хочу прочитать его книгу. Пора бы нам прозреть и с соответственным пиететом относиться к таким великим людям.

— Боюсь, что вряд ли это случится скоро. Судя по тому, что происходит, он вне нашей досягаемости.

В этот момент в ресторане появился Марков. Народу к этому позднему времени хоть и прибавилось, но ресторан был по-прежнему полупустым. Заметив за столиком Радова и посла, Марков стремительно направился к ним.

— Ну, наконец-то, — обрадовался Радов и стал приглашать Маркова за стол. Марков без особого энтузиазма сел за стол, и это сразу почувствовали посол и Радов.

— Что случилось, Вадим Борисович? Как Бо-

реев? — пристально глядя на Маркова, спросил Радов. — Жив?

— Жив! Жив, но... — с тревогой в голосе поведал Марков. — Жив благодаря доктору Чердак.

— Слава Богу! — воскликнул перепугавшийся было Олег Алексеевич. — А почему тогда такое трагическое выражение лица? Жив, стало быть, выпьем за его здоровье, — мгновенно переходя в благодушное настроение, заявил посол.

Он налил в свободную рюмку водку для Маркова и предложил всем выпить. Все выпили, и только тогда Марков сказал, словно отрезал.

— Жив, но академика хотели убить.

Радов и посол в полном недоумении уставились на Маркова.

— У него в крови нашли препарат, который цэрэушники называют «Крестный отец», а в быту просто — «Крест». По свидетельству доктора Чердак, препарат относится к бензодиазепиновой группе. Если бы ему ввели это путем инъекции, то Чердак бы не успела его спасти. Но, по всей видимости, этот препарат ему был добавлен с пищей. Тот укол, который Чердак сделала за сценой пресс-центра, спас ему жизнь.

— Откуда все эти сведения? — воскликнул посол, мгновенно придя в негодование и замешательство.

— По просьбе доктора Чердак был сделан анализ крови. Когда стало ясно, что плохое самочувствие Бореева — результат действия какого-то препарата, доктор Чердак вызвала меня и профессора Вайса. Позже было установлено, что это — препарат из серии «Крестный отец», действие которого на фоне повышенного давления вызывает острое нарушение мозгового кровообращения, сопровождающееся внезапной потерей сознания и параличом.

— Каким образом все это было установлено? — спросил Радов.

— Доктор Чердак многие годы работала в медицинском управлении ЦРУ. Отправляла в заслуженный отпуск разведчиков, делая им специальные операции на лице. Вайс пригласил работать ее в свою клинику и полностью ей доверяет. Её пациентом в свое время был и я. Во время событий в Югославии мне снесло пол-лица. Моя нынешняя физиономия — результат ее работы.

— Кстати, а куда пропал Вайс? — с возмущением от всего случившегося спросил посол.

— Вайс поехал в гостиницу, чтобы узнать, каким образом в еде Бореева мог оказаться «Крестный отец». Есть еще одна информация, строго секретная, которую Вайс просит не разглашать никому. В его клинике лечится генерал ЦРУ Стив Рейс. Его доставили с острым гепатитом прямо с учений, которые проходят где-то под Мюнхеном. Генерала, оказывается, посещают ребята из этого ведомства. Вайс поехал узнать еще о том, не вернулись ли они накануне в гостиницу.

— А чья эта гостиница? — поинтересовался Радов.

— В том-то и дело, что хозяин этой гостиницы сам Вайс. Что поделаешь, у профессора Вайса в Прине многое в его собственности. Этот ресторан тоже его.

— Ну и в гнездышко мы попали, — возмутился Олег Алексеевич.

— А сам-то Вайс не из этой ли команды? — не успокаивался он.

— Нет, Вайс — серб, очень надежный человек, симпатизирующий России.

— А почему фамилия такая? — с подозрением спросил посол.

— Это фамилия жены. У него большой бизнес, и с такой фамилией начинать было легче.

— Что вы обо всем этом думаете? — обратился посол к Радову.

— Но это еще не все, — перебил Марков. — Звонила моя жена. На моего сына Кирилла, занимающегося делом о пропаже политолога Самарина, вчера совершено нападение. Его хотели убить, и только моя собственная собака, с которой он гулял около парка, сумела спасти его.

— Час от часу не легче! — воскликнул опять посол. — Получается какая-то сплошная подозрительная цепочка. Особенно мне не нравится лечащийся здесь генерал ЦРУ. Что вы молчите, Лев Георгиевич?

— Потому что и мне все это не нравится, Олег Алексеевич. Два покушения, и все связаны с исчезнувшим политологом Самариним.

— Все это как можно скорее надо сообщить в Москву, Лев Георгиевич. Пусть, наконец, начнут разбираться, — решительно заявил посол. — А нам, Лев Георгиевич, надо ехать в Мюн-

хен. Не приведи Господь, если еще что-нибудь дополнительно преподнесет этот город.

Он кивнул сидевшему за другим столом сопровождающему человеку, и по знаку того стало понятно, что они могут заканчивать застолье. Все стали подниматься из-за стола. Посол попрощался с Марковым, который сообщил, что ложится на обследование, и, подхватив Радова, повел его к машине, где их уже ждал секретарь по культуре. Радов, перед тем как сесть в посольский «Мерседес», отвел на минуту Маркова в сторону и на прощание попросил сообщать о самочувствии Борева и, если возможно, подробнее разобраться во всем, что здесь произошло.

— За Кирилла не беспокойтесь, — успокоил он. — Я прилечу и тотчас попрошу генерала Смирнова подключиться к этому покушению. Он сейчас где?

— Кирилл?

— Да.

— Начальство потребовало, чтобы он на некоторое время на работе не появлялся. Находится у меня на даче. Рвется работать, но ему строго приказали не появляться хотя бы неделю, пока не разберутся с этим покушением.

— Правильно приказали, Вадим Борисович. Не тревожьтесь. Лечитесь, это вам нужно. А мы там будем стараться связать все эти нити. Поблагодарите доктора Чердак. И вот еще, попробуйте понять, что за птица этот генерал Стив Рейс. И последнее: ни слова обо всем, что вы рассказали, академику Борееву. Пусть встанет на ноги — это самое главное. А с вами — до встречи в Москве. — Радов пожал Маркову руку и сел в машину. Посол из кабины помахал Маркову рукой, и черный «Мерседес», набирая скорость, помчался в сторону Мюнхена.

* * *

На дачу Кирилла привез Владимир Игнатьевич Кузнецов. После звонка Валентины с сообщением о нападении на Кирилла он сразу вызвался помочь. Бывший офицер жил по-прежнему в Мытищах, но нередко приезжал на своей «Волге» по новому адресу Марковых рядом с Кусковским парком. За эти годы он не

потерял выправки и держался молодцом. Кузнецов захватил с собой на дачу подаренный ему когда-то за верную службу «Макаров» и официально объявил себя отныне телохранителем молодого Маркова, добавив, что раз уж исправно служил старшему Маркову, то и младшему пригодится. Благодаря стараниям Владимира Игнатьевича их быт тотчас был налажен. Через час после приезда появились горячая похлебка и жареные котлеты. В наличии была и выпивка, которой они, впрочем, решили не злоупотреблять. Машину, на которой они приехали, Кузнецов предварительно отогнал подальше, к строящемуся дому на соседней дороге. Так что догадаться, что на даче есть люди, было практически невозможно. Оба хоть и чувствовали себя в этой обстановке спокойнее, но не переставали следить за тем, что происходит вокруг дома и на прилегающей улице. Между тем дача Маркова к этому времени стала обжитой и уютной. Над крышей красовалась телевизионная тарелка, в доме был душ и все удобства, в том числе и хороший подвал, где хранились заготовленные Валентиной разные соленья.

Обойдя все комнаты и внимательно через окна изучив обстановку вокруг дачи, Кузнецов заметил устроившемуся в кухне на лежанке Кириллу:

— Еще раз осмотрел все вокруг. На ближайшем расстоянии противник пока не обнаружен. Кстати, что это за дом дальше от вас метров на сто? Я там заметил большую черную собаку. Но людей в доме, кажется, нет

— Это наш сосед Евгений Евгеньевич. Он когда-то работал у отца.

— Кем?

— Помогал, охранял... Они большие друзья с отцом.

— Надо как-нибудь познакомиться. Телохранители Марковых должны тоже дружить.

Он еще раз взглянул в окно и решительно заявил:

— Итак, обстановка нормальная. Можно и перекусить. Садитесь к столу, ваше прокурорское величество.

Кузнецов принес из кухни горячую сковороду с жареной картошкой, нарезал соленые огурчики и колбасу, налил мясной похлебки и

разлил по пятьдесят граммов водки. Так, сидя за столом и наблюдая за тем, что происходит снаружи, они не торопясь обедали. Потом, закутив, негромко беседовали, вспоминая разные случаи из собственной жизни. Вдруг во время очередного обзора прилегающей территории Кузнецов, быстро спустившись со второго этажа, воскликнул:

— Кирилл, черная собака исчезла! Но в окне соседнего дома, где живет этот телохранитель, я заметил окуляры бинокля. Он что, наблюдает за нами?

Кирилл быстро поднялся на второй этаж и действительно заметил за занавеской окна соседнего дома силуэт человека с биноклем. И тотчас раздался звонок мобильного телефона. Это была Валентина.

— Ну, как вы там? Все в порядке? Пообедали?

— Да, пообедали, — машинально ответил Кирилл. И тут его что-то насторожило. — А откуда ты знаешь, что мы обедали?

— А у меня глаза везде.

Кирилл засмеялся и, взглянув в сторону дома Евгения Евгеньевича, сказал с усмешкой:

— Уж больно большие у тебя глаза, Валя, светятся за сто метров.

Валентина рассмеялась.

— Будьте внимательны, — предупредила она. — Вы считаете, что незаметно появились на даче, а проходивший с работы Женя сразу увидел, что штора на окне не до конца задернута. Так вот он позвонил мне и сообщил, что на даче кто-то есть. Я ему все рассказала. Так что у вас есть еще один помощник.

— А какой телефон у Евгения Евгеньевича? — спросил Кирилл. — Надо предупредить его, чтобы он так не светился своими окулярами.

Валентина продиктовала номер мобильного телефона Евгения Евгеньевича, передала привет Кузнецову и обещала позвонить позже. Прошло не больше получаса, как по телефону Кирилла опять позвонили. Номер был знакомый, поэтому он не стал отвечать. Однако телефон звонил не переставая. На всякий случай сравнив записанный на клочке телефон Евгения Евгеньевича и высвечивающийся номер на мобильном, он понял, что это сосед.

— Кирилл Вадимович, это Женя, — раздалось в трубке.

— Узнаю, Евгений Евгеньевич, рад вашему звонку.

— Это хорошо, но дело в том, что, кажется, у нас незваные гости. Я отсюда хорошо просматриваю дорогу. Только что проехала незнакомая машина, которую двое «косых» загнали в тень под деревья на старой дороге. Туда наши без дела не суются, тем более на машине. Это подозрительно.

— Какого цвета машина? — быстро спросил Кирилл.

— Черного. Низкая, как каракатица.

Ток пробежал по всему телу Кирилла. Он оглянулся на Кузнецова и быстро шепнул:

— Появилась подозрительная машина.

Кузнецов стремительно вышел из-за стола и, достав пистолет, стал подниматься на второй этаж, откуда лучше просматривалась дорога.

— А почему вы их назвали «косыми»?

— Это не русские. Вот, вижу! — мгновенно переменившимся голосом продолжил сосед. — Один из них перебежками и оглядываясь бежит в вашу сторону. Одет в камуфляжный комбинезон. Сейчас лица уже не видно — то ли маска, то ли большие очки.

— Это не маска аквалангиста? — перебил Кирилл.

— Типа этого. Кажется, да. За спиной у него вещмешок. Полез на дерево, прямо напротив вашего дома.

— С какой стороны? — с нарастающим волнением спросил Кирилл.

— Со стороны въездных ворот. Вот, устраивается! Решил поселиться на дереве, обезьянка, — с сарказмом прокомментировал сосед. — Надо звонить Газину. Иначе он нам здесь жить спокойно не даст.

— Не надо никому звонить. Сами справимся.

— Вряд ли. Кажется, он достает из вещмешка пушку. Смотрите, пожалуйста, и оптика у него. Теперь на ту сторону не ходите. Иначе он вас заметит.

В этот момент с лестницы второго этажа пулей слетел Кузнецов и громко сообщил:

— Человек на дороге. Кажется, охотник.

— Спокойно, знаю. Больше туда не ходите, Владимир Игнатьевич. У него снайперская винтовка.

Кузнецов погрозил своим «Макаровым» и, усмехнувшись, изрек:

— Ах, так! Но ничего! Этот тоже жалит, будь-де покойны.

В трубке снова раздался голос соседа:

— Кирилл, надо подключать Газина. Он зайдет в тыл, и тогда мы с этим «орангутангом» справимся.

— Хорошо, звоните. Но только пусть он будет осторожнее. Ведь в машине, вы говорите, еще один человек.

— Не беспокойтесь, командир. Задание будет выполнено.

Телефон отключился, и сразу наступила тревожная тишина.

— Что будем делать? — растягивая гласные, спросил Кузнецов. — Если он с оптической винтовкой, то это серьезно. С той стороны вообще нельзя появляться. Шлепнет, и «финита ля комедия».

— Во-первых, надо позвонить моим.

Кирилл набрал номер следственного управления и быстро рассказал Глухову, что происходит. Через пять минут ему сообщили, что немедленно вышлют группу захвата.

Услышав, что выезжает группа захвата, Кузнецов, почесав затылок, бросил:

— Это, конечно, хорошо. Но они будут здесь не раньше чем через час. А нам что делать? Спектакль играть, что ли?

— Нам надо ждать, — неопределенно ответил Кирилл.

— Делать вид, что нас здесь нет? А если они знают, что мы здесь? Раз их сюда принесло, то, стало быть, они вычислили нас. А если их не двое, а больше?

— Хорошо, что вы предлагаете, Владимир Игнатьевич?

— Не сидеть сложа руки. Это первое. Второе: не быть мишенями, а заставить их совершить необдуманный шаг.

— И как? Начать первыми?

— Абсолютно правильно, — обрадовался Кузнецов. — На войне как на войне. Нас больше, и потом, мы можем навязать тактику и решить вопрос до того, как приедет группа захвата. Я уже вижу, как мне вручают орден Мужества за эту операцию.

— Владимир Игнатьевич, а если серьезно?

— А если серьезно, надо сделать следующее...

(Продолжение следует)

□

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

писатель, режиссер, драматург, заслуженный артист России.

Окончил театральное училище им. Щукина в 1966 г.

С 1966 по 1977 г. был ведущим артистом Московского театра на Таганке.

Несколько лет возглавлял академический театр им. Лермонтова в г. Алма-

Ата. Как главный режиссер поставил более пятидесяти спектаклей.

В 1973 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор восьми романов и сборника пьес.

По его роману «Семя Отечества» вышел телесериал «Репортеры».

Многие годы ведущий телепередачи «Искатели» на «Первом канале».

Секретарь Правления Союза писателей России,

ответственный секретарь

Московской городской писательской организации.

В журнале «Север» публикуется впервые.

